Master Negative
Storage Number

OCI00049.03

Bitva s Kabardintsami, ili, Prekrasnaia

Moskva

1894

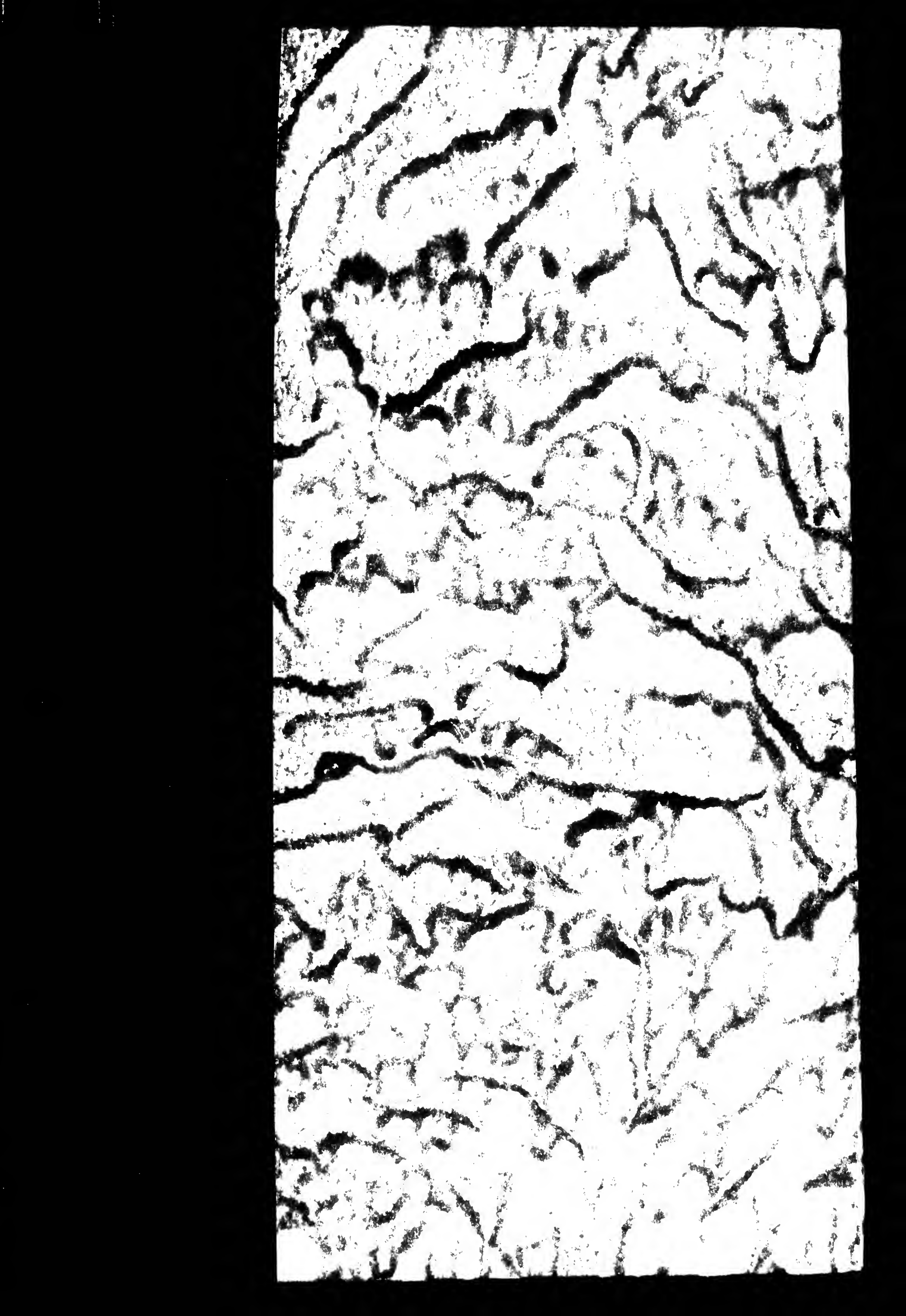
Reel: 49 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00049.03

Control Number: ADY-8137
OCLC Number : 30564418
Call Number : W 381.5917B B549
Title : Bitva s Kabardintsami, ili, Prekrasnaia musul'manka [um]iraiushchaia na mogilie svoego druga : russkaia povest' v dvukh chastiakh.
Imprint : Moskva : Izd. knigoprodavtsa S.A. Zhivareva, 1894.
Format : 2 v. in 1. : ill. ; 17 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS

[illegible]

БИТВА
съ
КАБАРДИНЦАМИ
или
ПРЕКРАСНАЯ МУСУЛЬМАНКА,
ИРАЮЩАЯ НА МОГИЛѢ СВОЕГО ДРУГА.

РУССКАЯ ПОВѢСТЬ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА
С. А. Живарева.

МОСКВА.
-литографія Высочайше утвержденнаго „Русскаго Товарищества печатнаго и изд
тельскаго дѣла“. Чистые Пруды, собств. домъ.
1894.

БИТВА СЪ КАБАРДИНЦАМИ.

Густыя и черныя облака, гонимыя рѣзкими вѣтрами, носились въ атмосферѣ и заслоняли собою полную луну. Хищныя птицы съ лютыми звѣрями, при увеличивавшейся бурѣ, скрывавшіяся въ ущеліяхъ горъ и лѣсахъ, испускали ужасный крикъ и ревъ и вливали какой то невольный трепетъ въ сердца воиновъ, стоявшихъ на цѣпи, протянутой къ густому лѣсу, и часовыхъ, занимавшихъ передовые посты, изъ Дагестантскихъ ратниковъ, для наблюденія отъ внезапнаго нападенія коварныхъ Кабардинцѣвъ, дѣлавшихъ въ ночное время таковые набѣги.

Дагестантскіе ратники, сидя на коняхъ своихъ и склонясь на передовыя луки сѣделъ,—одни дремали и въ минуту опять открывали глаза свои, при сильныхъ порывахъ вѣтра, готоваго силою своею сбросить ихъ съ коней; другіе между собой тихо разговаривали.

— А что, князь Темиръ Аксакъ, сказалъ молодой Дагестанецъ молодому юношѣ, погруженному въ мрачную задумчивость и сидѣвшему подлѣ него на статномъ конѣ, ко-

торый, подымая вверхъ гриву, тихо ржалъ и, поворачивая головою во всѣ стороны, отъ нетерпѣнія рылъ копытами землю: мнѣ кажется, что твой добрый и рѣзвый конь предчувствуетъ какое-нибудь несчастіе или большую тревогу, потому что я его никогда не видалъ такимъ безпокойнымъ, какъ теперь. Вѣдь часто скотина или тварь предвѣщаетъ что-нибудь весьма непріятное; напримѣръ, вой собаки, роющей когтями землю, рѣдко проходитъ безъ какого нибудь непріятнаго приключенія или напасти.

— Да, признаюсь тебѣ, отвѣчалъ Темиръ, тяжело вздохнувъ, что у меня нынѣшнюю ночь что-то сердце груститъ не на шутку, и душа наполнена тоскою, можетъ быть, отъ того, что, какъ ты самъ знаешь, я оставилъ моихъ родителей и сестру безъ утѣшенія и опоры, которые, находясь отъ меня въ отдаленіи, грустятъ и переливаютъ свою грусть въ мою душу. Впрочемъ я не боюсь враговъ, какъ бы они ни были многочисленны: умереть все равно—здѣсь или на родинѣ: этотъ предѣлъ для каждаго созданія неизмѣненъ; но съ съ смертію моею, родители всего лишатся во мнѣ, а, можетъ быть, и не перенесутъ моей потери, какъ нѣжно любимаго ими сына!

— Печаль твоя, любезный князь, очень справедлива, и никто не можетъ ее осудить,

но заранѣе предаваться ей неприлично такому герою, какъ ты, который, пренебрегая своею жизнію и являясь впереди своей дружины въ самомъ пылу сраженія, заставлялъ Кабардинцевъ, какъ робкихъ птицъ отъ сокола, съ трепетомъ скрываться и бѣжать отъ молніеносныхъ ударовъ твоего гибельнаго меча!

— Алей! ты слишкомъ много льстишь моему самолюбію, превознося мои подвиги, которые ничѣмъ не превосходнѣе другихъ моихъ товарищей, возразилъ съ улыбкою Темиръ.

— Я никогда, какъ ты самъ знаешь, не былъ ни для тебя, князь, ни для другихъ льстецомъ, привыкъ говорить правду, и всегда гнушаюсь говорить противное тому, что я чувствую. Притомъ же не я одинъ, но всѣ Дагестанцы, согласно со мною, говорятъ, что ты среди насъ, какъ высокій кедръ или дубъ между другихъ деревьевъ, отличаешься своею красотою, силою и мужествомъ.

— Прошу тебя, Алей, пожалуйста, прекрати эту похвалу, которая не отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ твоей ко мнѣ дружбы съ самаго младенчества, всѣхъ занятій во время юношества, а нынѣ товарищества въ опасностяхъ, неизбѣжныхъ въ сраженіяхъ противъ враговъ; лучше поговоримъ-ка о какомъ нибудь другомъ, гораздо занимательнѣйшемъ предметѣ.

— Алей! помнишь ли ты о прошедшей жаркой стычкѣ съ Кабардинцами, напавшими на насъ при самомъ разсвѣтѣ дня, между коими юный рыцарь, съ величественною осанкою, закрытый блестящимъ и твердымъ панцыремъ, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, производилъ чудеса храбрости, и много мечемъ своимъ мастерски перепятналъ нашихъ ратниковъ? Въ пылу сраженія мы съ нимъ, какъ будто нарочито, повстрѣчались; взоры и мечи наши обращены были другъ противъ друга и удары были бы для обоихъ пагубны. Отбивъ ударъ его меча, я съ великою силою обрушилъ свой на противника, но не могъ разрубить его непроницаемаго панцыря; однакожъ всадникъ отъ моего удара едва удержался въ сѣдлѣ, смутился и, поворотивъ своего коня, громко произнесъ: „князь Темиръ Аксакъ?" и, подобно молніи, исчезъ изъ глазъ моихъ. Прелестное лице и осанка этого юнаго воина, а въ особенности нѣжный голосъ, которымъ выговорено очень вѣрно мое имя, показались мнѣ подозрительными въ такомъ мужественномъ воинѣ.

— Что же ты изъ этого заключаешь? спросилъ у Темира Алей.

— То, что это не мущина, а женщина или прекрасная дѣва, переодѣтая въ одежду и доспѣхи воина.

Алей сомнительно качаетъ головою.

— Мудреное дѣло!

— Да что тутъ мудренаго? Развѣ ты не былъ свидѣтелемъ отчаянной храбрости Кабардинокъ при нападеніи нашемъ на ихъ селеніе, которое мы зажгли съ обоихъ концевъ, чтобы пресѣчь путь жителямъ для спасенія и побѣга?

— Въ этомъ случаѣ я съ тобою согласенъ, отвѣчалъ Алей; тогда онѣ находились въ отчаяніи и защищали отцевъ своихъ, супруговъ, дѣтей и свое стяжаніе; но чтобъ Кабардинка рѣшилась въ открытомъ полѣ сражаться, попасться въ плѣнъ, открыть свой настоящій полъ и такимъ образомъ лишиться навсегда свободы и возвращенія въ отечество, вовсе невѣроятно. А притомъ мудрено ли ошибиться въ твоихъ замѣчаніяхъ, почтя мужчину за женщину, только по прекрасному лицу, осанкѣ и голосу, которые можетъ имѣть мужчина въ цвѣтущей своей юности, одаренный отъ природы этою красотою и нѣжнымъ тономъ голоса? Что же касается до выговореннаго тѣмъ воиномъ твоего имени, то это можетъ быть очень натурально, потому что твои отличные подвиги въ сраженіяхъ и твой прекрасный видъ легко могли распространиться въ странѣ Кабардинцевъ, которые, не взирая на ненависть, питаемую къ своимъ непріятелямъ, отдаютъ справедливость и похвалу доблестнымъ воинамъ, коихъ отличные подвиги уважаютъ.

— Хорошо, отвѣчалъ съ улыбкою Темиръ, время и случай докажутъ всю справедливость моихъ словъ и замѣчаній. Я употреблю мою силу, мужество и искусство, при первомъ-же сраженіи съ Кабардинцами, чтобы отыскать этого замѣчательнаго для меня воина, отрѣжу его отъ панцырниковъ и захвачу въ плѣнъ, хотя бы это стоило ручьевъ моей крови, или даже свободы; повѣрь, что Темиръ устоитъ въ своемъ словѣ и обѣщаніи!

— Прекрасно! для этакой бездѣлицы рисковать своею кровью, свободою, а можетъ быть и жизнью, принадлежащею теперь отечеству и твоимъ родителямъ, совсѣмъ несообразно ни съ твоимъ умомъ, ни съ честью и славою такого храбраго воина, какъ ты, который долженъ посвящать оные на общую пользу и защиту ввѣренныхъ тебѣ людей, ведя ихъ къ геройскимъ подвигамъ и побѣжденію многочисленныхъ и опаснѣйшихъ враговъ! Да и какая произойдетъ для тебя польза, если бы и точно попался къ тебѣ въ плѣнъ этотъ непріятельскій воинъ?

— Я тебѣ ничего утвердительнаго теперь сказать не могу, отвѣчалъ Темиръ; но какое то сверхъестественное желаніе покороче узнать этого воина, съ перваго моего на него взора, невольно влечетъ къ нему сердце и душу непостижимою силою, которыя прежде не знали иныхъ страстей и желаній, кромѣ

люб
бы
ст
с

м
т
д
т
с

с
с

д

т
те
ло

дв
стр
кр

Ал
въ
часа

—
свои

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

рѣ
а-

ди-
ле-
ъ и
ра-
илѣ
ихъ

со всѣхъ сторонъ. Въ это время, предъ своими ратниками явился князь Темиръ, который, громкимъ голосомъ ободряя Дагестанцевъ къ сраженію, бросился въ толпу ихъ панцырниковъ и, съ великою силою и проворствомъ, булатнымъ мечомъ своимъ сокрушая ихъ шлемы и брони, повергалъ ихъ съ коней на землю убитыми, или тяжело ранеными. Враги, съ ужасомъ произнося имя: „Темиръ!“, скрывались быстро на коняхъ своихъ отъ ударовъ гибельнаго его меча.

Въ это самое время, закрытый блестящими доспѣхами витязь, на бѣломъ конѣ, явясь предъ взорами изумленнаго Темира, преградилъ ему дорогу къ совершенной побѣдѣ надъ Кабардинцами.

— Вотъ и тотъ, кого я желалъ видѣть! сказалъ Темиръ, и обратилъ своего коня въ сторону своего противника, который пустилъ шумящее копье въ нашего героя! но онъ пересѣкъ его, не допуская до себя, на воздухѣ съ неимовѣрнымъ искусствомъ и проворствомъ, а обращенный на него ратоборцемъ мечъ вышибъ изъ рукъ его своимъ мечомъ, и, не давъ времени противнику принять другія мѣры для своей защиты, схватилъ за поводья лошадь сражавшагося съ нимъ Кабардинскаго всадника, и, съ помощію Алея, принуждалъ его слѣдовать за собою.

На жалобный вопль плѣннаго воина, че-

ловѣкъ двадцать отборнѣйшихъ панцырниковъ, прискакавъ для спасенія, съ яростію бросились на нашихъ друзей, и несчастный Алей сдѣлался первою жертвою лютости враговъ, поразившихъ его. Облитый кровію, Алей упалъ съ своего коня.

Увидѣвъ погибель своего друга, Темиръ жалобнымъ голосомъ вскрикнулъ отъ ужаса и, выпустивъ поводья лошади своего друга, бросился въ толпу напавшихъ панцырниковъ и, поражая ихъ молніеносными ударами своего меча, рубилъ безъ пощады; но, получивъ двѣ глубокихъ раны, изъ коихъ кровь струилась ручьями, едва могъ уже дѣйствовать мечемъ своимъ и готовъ уже былъ пасть на землю съ своего коня, лишаясь всѣхъ чувствъ.

— Пощадите жизнь этого славнаго героя и постарайтесь захватить его въ плѣнъ! произнесъ громко предводитель Кабардинцевъ. Воины, услышавъ повелѣніе своего начальника, наперерывъ старались оказать ему свои услуги. Конь Темировъ защищая своего умирающаго господина, билъ передомъ и задомъ приближающихся его враговъ, пробился сквозь ихъ толпу, и стрѣлою полетѣлъ въ обратный путь; но Темиръ, лишившись чувствъ не могъ управлять своимъ вѣрнымъ товарищемъ, упалъ на землю и былъ захваченъ въ плѣнъ Кабардинцами. Одинъ изъ числа панцырниковъ другого отряда, шумящій своими доспѣхами,

какъ грозная буря, необычайнаго роста и силы, приказалъ прочимъ воинамъ слѣзть съ коней и подать въ его руки раненаго Темира, котораго положивъ спереди себя на переднюю луку сѣдла и свои колѣна, быстро поскакалъ съ нимъ въ лѣсъ. Юный витязь на бѣломъ конѣ, сражавшійся съ Темиромъ, собравъ разсѣянныхъ воиновъ, послѣдовалъ съ ними за раненымъ и плѣннымъ Темиромъ, и они всѣ скрылись въ лѣсъ.

На мѣстѣ сраженія Кабардинцы оставили, сверхъ убитыхъ, тяжело ранеными болѣе ста человѣкъ; со стороны Дагестанцевъ было убитыхъ десять и столько же раненыхъ, въ томъ числѣ и Алей, вѣрный другъ князя Темира, которому, какъ и прочимъ раненымъ, не исключая даже непріятелей, оказана была самая скорая и дѣятельная помощь.

Теперь, любезный читатель, послѣдуемъ съ тобою за нашимъ плѣннымъ Темиромъ во внутреннее жилище Кабардинцевъ, куда привезли его въ безчувственномъ и самомъ опасномъ положеніи. Нашъ раненый былъ внесенъ въ особенную комнату, съ окошками въ фруктовый садъ, подъ которыми насаженные во множествѣ цвѣты разливали ароматный запахъ. Стѣны и полъ комнаты были обиты богатыми коврами, и Темиръ былъ положенъ на сафьяновый пуховикъ съ шелковыми подушками и такимъ же одѣяломъ,

вышитымъ шелками въ живописномъ видѣ. Къ раненому былъ опредѣленъ для прислуги юный невольникъ, по имени Ахметъ, съ тихимъ характеромъ и добрымъ сердцемъ, которому приказано было строго о всякой перемѣнѣ съ больнымъ увѣдомлять и быть въ полномъ повиновеніи у плѣннаго князя.

Призванный искусный Кабардинскій врачъ Гирамъ, осмотрѣвъ и перевязавъ раны Темира, донесъ, кому слѣдуетъ, что одна молодость и крѣпкое сложеніе тѣла его съ пріобщеніемъ его неусыпныхъ трудовъ и испытаннаго чудеснаго отъ ранъ врачеванія, могутъ спасти отъ смерти юнаго князя, находящагося въ опасности.

Эти слова Гирама только въ первомъ отношеніи были согласны съ истиною, касательно же его самохвальства во врачебномъ искусствѣ, спасти Темира посредствомъ онаго отъ смерти, были цѣлію его алчности къ сребролюбію, чтобы получить богатую награду, въ случаѣ исцѣленія нашего раненаго героя, отъ особы, принимавшей величайшее участіе въ своемъ прекрасномъ плѣнникѣ, что не могло укрыться отъ проницательныхъ глазъ хитраго и опытнаго врача, знавшаго не столько врачебную науку, сколько человѣческое сердце; въ чемъ онъ и получилъ не только увѣрительное обѣщаніе за его услугу, но и нѣсколько золотыхъ монетъ въ

задатокъ, если только раненый будетъ имъ исцѣленъ и избавленъ отъ смерти.

Около уже вечера, Темиръ, очувствовавшись отъ глубокаго обморока, открылъ свои глаза, и съ удивленіемъ обращая повсюду свои слабые взоры, остановилъ ихъ на Ахметѣ, сидѣвшемъ, поджавъ ноги, на коврѣ подлѣ его ложа.

— Гдѣ я? спросилъ онъ, едва внятнымъ голосомъ у Ахмета.

— Въ добрыхъ рукахъ и спокойномъ убѣжищѣ, въ которомъ пекутся о твоемъ спасеніи и облегченіи твоей болѣзни и страданій, отвѣчалъ съ откровенностію Ахметъ.

— Кто-жъ былъ спаситель моей жизни въ послѣднемъ сраженіи; кто привезъ меня сюда и прилагаетъ обо мнѣ такое попеченіе?

— Теперь ничего объ этомъ не могу сказать, а со временемъ самъ обо всемъ узнаешь, отвѣчалъ Ахметъ, подавая раненому лекарство, въ фарфоровой чашкѣ.—Вотъ цѣлительный составъ лекарства, приготовленный для тебя нашимъ искуснымъ врачемъ Гирамомъ; его надобно принять, чтобъ подкрѣпить свои силы. Темиръ, безъ всякаго прекословія, принявъ изъ рукъ Ахмета въ чашечкѣ какую-то красноватаго цвѣта эссенцію, выпилъ ее и въ ту же минуту почувствовалъ небольшую бодрость духа.

— Какъ зовутъ тебя, добрый юноша? спросилъ онъ своего прислужника.

— Ахметомъ.

— Кому ты служишь и кто твой повелитель?

— Теперь, покамѣстъ, не могу сказать тебѣ, отвѣчалъ Ахметъ, опустивъ въ землю глаза свои.

— Слѣдовательно, тебѣ приказано объ этомъ не говорить со мною?

— Да, также и врачъ нашъ Гирамъ запретилъ тебѣ много говорить, потому что это будетъ для тебя вредно.

— Хорошо, повинуюсь ихъ желанію, но прошу тебя, принеси мнѣ чего нибудь напиться: жажда смертельно меня мучитъ.

— Сію минуту будетъ исполнено тобою требуемое, сказалъ Ахметъ, и, мигомъ выбѣжавъ изъ комнаты, тихо притворилъ за собою дверь.

По уходѣ Ахмета, Темиръ, волнуемый различными мыслями, не зналъ, на какой точкѣ остановить свои предположенія, гдѣ онъ именно находится, и кто прилагаетъ объ немъ такія нѣжныя попеченія.

Онъ смотритъ на свои раны, перевязанныя вовсе не такимъ манеромъ, какъ у его соотечественниковъ и, грустно вздохнувъ, произнесъ явственнымъ голосомъ:

— Несчастный! теперь я ясно усматриваю, что нахожусь въ плѣну у Кабардинцевъ, и

вѣрно попался имъ въ руки жестоко раненымъ въ послѣднемъ съ ними сраженіи! Увы! что же будетъ со мною? Что будетъ съ моими

неутѣшными родителями и сестрою, когда они узнаютъ о моей неволѣ, а можетъ быть, и преждевременной смерти? Бѣдный, несчастный Темиръ! можешь ли ты ожидать какого-либо переворота въ тягостной судьбѣ твоей?

— Кромѣ лучшаго для себя и счастливой

будущности ожидать ничего инаго не можешь! произнесъ тихо за дверями его комнаты голосъ, звуки котораго вдругъ проникли въ его сердце.

Темиръ обратилъ любопытные взоры на дверь, но никого не видалъ; напрягалъ свой слухъ, но ничего болѣе не слыхалъ. Все стало тихо, какъ могилѣ.

Въ это время вошелъ въ комнату Ахметъ, держа въ правой рукѣ золотой сосудъ отличной работы, наполненный сладкокислымъ благовоннымъ напиткомъ, и съ улыбкой подавъ оный Темиру, промолвилъ:

— Прекрасный князь! откушай изъ сего сосуда драгоцѣннаго напитка, приготовленнаго такими же руками и отъ самаго чистаго сердца.

Темиръ, утоливъ свою жажду, сказалъ:

— Милый Ахметъ! скажи мнѣ, кто приготовилъ для меня, несчастнаго, это прекрасное питье?

— Мнѣ не приказано о томъ тебя извѣщать. Напрасно ты будешь требовать отъ меня открыть тебѣ эту тайну, ты никогда ее не узнаешь; ибо она столько же для меня священна, какъ и нашъ Алкоранъ! Со временемъ, можетъ быть, все узнаешь и увидишь того человѣка, кто спасъ твою жизнь и теперь печется о твоемъ исцѣленіи.

— Я хвалю твою скромность, добрый Ах-

метъ, и болѣе не стану тебя объ этомъ спрашивать.

Темиръ опять обращаетъ свои глаза на тотъ сосудъ и, нечаянно повернувъ его другою стороною къ себѣ, увидѣлъ, къ крайнему своему удивленію, прелестнѣйшее изображеніе на эмали женщины въ одеждѣ Амазонки, въ грудныхъ латахъ и въ легкомъ шлемѣ съ бѣлыми перьями.

Лицо нашего героя воспламеняется яркою краскою отъ картины, радость и восхищеніе блещутъ въ его взорахъ, уста шепчутъ: эта прекрасная въ мірѣ дѣва, въ доспѣхахъ воина—то самое лицо храбраго витязя, съ коимъ я сражался два раза въ ратномъ полѣ!

Герой нашъ часъ отъ часу болѣе воспламеняется, душа его приходитъ въ восторгъ и сердце трепещетъ, кровь быстро волнуется въ его жилахъ, онъ прижимаетъ портретъ, вдѣланный въ сосудъ, къ устамъ, и потомъ къ своему сердцу, — и опять, отъ сильнаго возмущенія и разстройства всѣхъ жизненныхъ органовъ, лишается чувствъ.

Ахметъ, наблюдавшій за всѣми движеніями Темира, испуганный теперешнимъ его положеніемъ, бѣжитъ опрометью къ своей повелительницѣ и доноситъ ей объ опасномъ припадкѣ раненаго плѣнника.

Юная и прелестная княжна Земира, въ одеждѣ воина сражавшаяся съ Темиромъ дву-

кратно и въ послѣднемъ сраженіи захватившая его въ плѣнъ, когда онъ былъ жестоко раненъ, привезши въ свой домъ, прилагала объ исцѣленіи его самыя нѣжныя попеченія, чтобы спасти жизнь драгоцѣннаго ей плѣнника.

Слава о красотѣ и геройскихъ подвигахъ Темира, распространившаяся между Кабардинцами отъ Дагестанцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ, заставила юную княжну Земиру лично удостовѣриться въ справедливости слуховъ о достоинствахъ и мужествѣ Дагестанскаго князя, что сдѣлать было ей не трудно, потому что она сама, съ отроческихъ лѣтъ, нося мужскую одежду и рыцарскіе доспѣхи, пріучала себя ко всѣмъ трудностямъ военной полевой жизни, гонялась верхомъ на быстромъ конѣ за лютыми звѣрями, и поражала ихъ своими мѣткими стрѣлами и копьемъ. Вершины утесистыхъ горъ и глубокія въ нихъ пропасти были ея забавою, гдѣ она перескакивала чрезъ скалы, сражалась на поединкахъ съ самыми искусными ратоборцами, и почти всегда оставалась побѣдительницею. Земирѣ было только 18 лѣтъ, когда она захватила въ плѣнъ Темира. Она была роста высокаго, имѣла тонкій и гибкій станъ, грудь высокую, лице неподражаемой красоты, русые, локонами вьющіеся, волосы, величественную осанку и гордую смѣлую

поступъ. Сердце ея было нѣжно и чувствительно, душа исполнена высокихъ понятій, нравъ тихій, характеръ кроткій, но рѣшительный и предпріимчивый. Она была въ женскихъ рукодѣліяхъ неподражаема; со всѣми ласкова и привѣтлива; словомъ,— княжна Земира могла заслуживать первенство изъ идеаловъ женскаго пола и совершенства.

Земира, оставшись въ младенчествѣ, по смерти ея родителей, сиротою, но съ большимъ богатствомъ, котораго она была единственною наслѣдницею, подъ надзоромъ ея родной тетки съ матерней стороны, пришедши въ возрастъ, свободно могла располагать, какъ своею участью и мнѣніемъ, такъ и военными занятіями, которыя были господствующею для нея страстію и привлекли ее на бранное поле, куда призывала ее слава нашего героя, съ которымъ она въ первый разъ сразилась, увидала его силу и искусство въ ратоборствѣ, и, воспламенясь его мужествомъ и красотою, желала вторично встрѣтиться съ нимъ на полѣ сраженія. Отобравъ самыхъ лучшихъ своихъ панцырниковъ и воиновъ испытанной храбрости и приверженныхъ къ ней, готовыхъ положить за нее животъ свой, совокупясь съ сильною партіею другихъ Кабардинцевъ, предводительствуемыхъ княземъ Тамерланомъ, предъ разсвѣтомъ дня напала

на передовые посты непріятелей и, встрѣтясь съ Темиромъ, опять съ нимъ сразилась; но побѣжденная имъ, едва не попалась къ нему въ плѣнъ. Когда же онъ былъ жестоко раненъ и окруженъ множествомъ ея панцырниковъ, то она приказала пощадить жизнь его и захватить въ плѣнъ, что совершивъ съ успѣхомъ, возвратилась въ свое жилище, и взявъ его подъ свое покровительство, дѣлала для спасенія его жизни всевозможныя пособія.

И такъ Земира, извѣщенная Ахметомъ о вторичномъ припадкѣ нашего раненаго и испуганная его положеніемъ, съ блѣднымъ лицемъ и трепещущимъ сердцемъ, накинувъ на свою голову прозрачное покрывало, снѣшила въ комнату раненаго. Пристально разсматривая прекрасное и покрытое смертною блѣдностію лице Темира, стоя возлѣ его постели, къ удивленію увидала пустой сосудъ, бывшій съ приготовленнымъ ею ему напиткомъ, прижатый рукою къ его сердцу тою стороною, на которой былъ ея портретъ, написанный искусною кистью иностраннаго художника, бывшаго въ ихъ землѣ. Это сильно подѣйствовало на ея сердце и душу, и привело всѣ ея чувства въ волненіе.

— Онъ узналъ черты моего лица въ семъ портретѣ, и онѣ вѣрны для него занимательны, сказала Земира съ радостію сама себѣ,

тихо вздохнувъ.—Время все докажетъ, когда мы другъ друга узнаемъ короче! и, взявъ тихонько сосудъ изъ руки раненаго, приказала Ахмету, какъ можно скорѣе, бѣжать за врачемъ Гирамомъ, чтобъ онъ сію же секунду спѣшилъ подать помощь раненому Темиру.

По уходѣ Ахмета, Земира, тихонько взявъ за руку больнаго, на пальцѣ котораго замѣтила кольцо съ драгоцѣнными камнями, томно

вздохнувъ, подумала: можетъ быть, онъ уже и несвободенъ отъ любви и какихъ нибудь обязательствъ, данныхъ въ его отечествѣ другой красавицѣ, а я страдаю объ немъ всею душою?

Въ эту минуту у нашего раненаго вдругъ показался на щекахъ нѣжный румянецъ; онъ сдѣлалъ слабое движеніе рукою, лежавшею на груди его, въ которой былъ тотъ золотой сосудъ. и тихо произнесъ:

— Это она! Рыцарь бѣлаго коня!..... Она спасла меня отъ смерти...... съ этимъ словомъ онъ опять сомкнулъ свои уста, румянецъ исчезъ на щекахъ его, и прежняя блѣдность замѣнила оный.

Земира, проговоривъ съ нѣжнымъ чувствомъ: это онъ говорилъ обо мнѣ, любезный юноша! осматривается съ робостію во всѣ стороны, но, услышавъ шаги людей, поспѣшила выйти изъ комнаты больнаго и, встрѣтивъ на пути Гирама съ Ахметомъ, просила перваго, какъ можно скрѣе, подать раненому помощь, и что онъ усмотритъ чрезъ свое искусство, въ ту же минуту ей донести со всею откровенностію, не утаивая ни малѣйшей подробности.

— Это будетъ во всей точности исполнено, прекрасная княжна, сказалъ ей Гирамъ, съ едва замѣтною улыбкою, и пошелъ въ комнату больного.

Гирамъ нашелъ раненаго въ гораздо худшемъ противъ прежняго положенія и, покачавъ сомнительно головою, спросилъ у Ахмета:

— Что говорилъ раненый, когда пришелъ въ чувство?

Послѣдній разсказалъ врачу, но только важнѣйшую причину скрылъ отъ него.

— Не надобно говорить съ княземъ такъ много, ибо это очень вредно для больнаго, возразилъ сердито Гирамъ, и если ты не послушаешь моего приказанія, то я буду жаловаться на тебя княжнѣ.

— Да, какъ же мнѣ иначе было поступить, когда раненый просилъ пить? Неужели надобно было ему отказать въ этомъ?

— Это дѣло другаго рода: нельзя было не удовлетворить его желанію, когда у больнаго отъ ранъ сдѣлалось внутреннее воспаленіе.

— Что же ты давалъ ему пить для утоленія жажды?

— Этотъ напитокъ, который приготовила сама княжна Земира, отвѣчалъ Ахметъ.

— О, этого драгоцѣннаго напитка, приготовленнаго столь прекрасными руками, и самъ бы врачъ Гирамъ съ радостію попробовалъ сказалъ съ улыбкою эскулапъ, поглаживая свою плѣшивую голову и завивая свои черные, густые и длинные усы.

Выговоривъ эти слова, онъ началъ тереть виски у больнаго спиртомъ, далъ ему нюхать и

потомъ влилъ раненому въ ротъ нѣсколько капель какого-то элексира. Минутъ чрезъ десять Темиръ, пришедъ въ память, устремилъ удивленные свои взоры на Гирама, котораго физіономія и лукавая рожица нашему герою очень не понравились; онъ обратилъ взоры свои на столъ и искалъ столь драгоцѣннаго ему сосуда, потомъ на Ахмета, который, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, подавалъ раненому знакъ молчанія, который онъ очень понялъ.

— Что вы чувствуете, любезный князь, во внутренности вашей и въ искусно перевязанныхъ мною вашихъ ранахъ?

— Жаръ внутренній жестоко меня мучитъ и требуетъ утоленія жажды прохладительнымъ напиткомъ, а въ ранахъ происходитъ ужасная боль.

— Да, онѣ немаловажны! возразилъ Гирамъ, ты долженъ благодарить Аллу, что попался въ мои руки! Искусство и опытность моя поставятъ тебя скоро на ноги и воскресятъ изъ среды мертвыхъ, но совѣтую тебѣ, князь, отнюдь не говорить много и не скучать своимъ плѣномъ; это весьма вредно для твоего выздоровленія.—А ты, Ахметъ, вотъ изъ этой скляночки, чрезъ каждые два часа, давай по ложкѣ принимать лекарство больному.—Между тѣмъ, я пойду и приготовлю для князя утоляющій жажду напитокъ.

Гирамъ ушелъ.

— Знаю, чѣмъ ты дышешь, лукавый сребролюбецъ! сказалъ съ усмѣшкою Ахметъ, глядя вслѣдъ ушедшему въ двери врачу.

— Къ кому относятся твои слова, добрый юноша? спросилъ Темиръ у своего прислужника.

— Къ тому, котораго я ненавижу всею душею за его алчность къ богатству и вѣ-
роломство!

— Къ вышедшему врачу?

— Вы, князь, угадали, на кого я м

— Слѣдо ательно, онъ опасный

— Для ихъ, а не для тебя
худая на ли онъ тебя
то его о тая нагр
тивном

—

—

Ахме

Въ
въ
лот
ва
хл
ус

об
по

но слышалъ, что этотъ сосудъ подаренъ былъ покойному отцу нынѣшняго владѣльца.

— Это неподражаемая красота! воскликнулъ съ жаромъ Темиръ.

и-
се
и-
ъ

Темиръ, я даже не могу вѣрить, чтобъ такая красота существовала въ этомъ мірѣ. Тутъ живописецъ мастерски изобразилъ одну изъ прекрасныхъ гурій — это одна превосходная мысль и кисть художника водила его руку.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! можетъ быть, и есть живое существо, превосходнѣйшее этого портрета, прибавилъ хитрый врачъ, и пожелалъ больному покойной ночи и облегченія, обѣщаясь придти къ нему на утро для перевязки его ранъ и, раскланявшись съ Темиромъ, ушелъ.

Я не стану обременять моихъ читателей продолжительнымъ описаніемъ выздоровленія нашего героя, его сердечныхъ желаній увидѣть своего избавителя, и нѣжныхъ чувствъ послѣдняго къ милому предмету въ доставленіи больному удобствъ и наслажденій, чтобъ облегчить его плѣнъ и умѣрить печаль объ его отчизнѣ.

Темиръ примѣтнымъ образомъ поправлялся въ своемъ здоровьѣ; легкій румянецъ игралъ уже на его впавшихъ ланитахъ; уста его алѣли и сладостная улыбка часто играла на нихъ, въ разговорахъ съ добрымъ Ахметомъ; иногда нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ въ безмолвіи и горести, вспоминая объ оставленныхъ имъ родителяхъ, сестрѣ и погибшемъ другѣ его Алеѣ: тогда слезы лились

ручьями по его лицу, и Ахметъ не имѣлъ возможности его утѣшить и успокоить. Темиръ ходилъ уже по комнатѣ, часто сидѣлъ въ оной у окна и спокойно питался ароматическимъ запахомъ цвѣтовъ и сладкими пѣснями птичекъ, водившихся въ саду.

Съ возвращеніемъ здоровья укрѣплялись и силы Темира отъ питательной и вкусной пищи, приготовляемой руками и попеченіемъ прелестной Земиры. Нашъ герой находился въ полномъ удовольствіи. Два только предмета нарушали спокойствіе его души: отдаленіе отъ родителей и сестры и утрата его друга Алея, котораго почиталъ погибшимъ въ сраженіи; ибо онъ хорошо помнилъ, что въ то время, когда они полонили столь желаннаго имъ рыцаря на бѣломъ конѣ, то отъ напавшихъ на нихъ панцырниковъ, Алей, пораженый ими, упалъ съ своего коня, а онъ бросился съ отчаяніемъ въ толпу его враговъ, чтобъ отмстить смерть своего друга, и что послѣ съ нимъ самимъ случилось, совершенно не могъ въ умѣ своемъ постигнуть. Это заставляло его часто проливать слезы, которыя нѣсколько облегчали стѣсненную его грудь. Желаніе поскорѣе увидѣть своего благодѣтеля или ту особу, на которую онъ мѣтилъ, чтобъ излить всю полноту чувства и своей признательности за спасеніе его жизни, также занимало его душу.

Въ тотъ самый день, когда врачъ дозволилъ нашему герою оставить свое ложе, Ахметъ принесъ ему богатый шелковый халатъ съ прекраснымъ бордюромъ, шитымъ шелками и золотомъ, ермолку алаго бархата, также вышитую золотомъ съ четырьмя буквами, вынизанными крупнымъ жемчугомъ К. Т. К. З.; въ первыхъ онъ разумѣлъ самого себя, но двѣ другія буквы остались для Темира загадкой или Гордіевымъ узломъ, который онъ тщетно въ мысляхъ своихъ старался развязать; однако отъ проницанія его не могло скрыться, что эти вещи были приготовлены собственно для него, но кѣмъ,—это для него было сокрыто подъ непроницаемой завѣсой тайны, которой развязки съ нетерпѣніемъ ожидалъ нашъ герой, погруженный въ сладчайшія упоенія и восторгъ когда нибудь увидѣть любимый предметъ въ подлинникѣ, а не въ копіи, изображенной въ портретѣ на золотомъ сосудѣ, изъ котораго онъ пилъ драгоцѣнный напитокъ.

Гирамъ совѣтывалъ княжнѣ Земирѣ дозволить ея плѣннику, для укрѣпленія его силъ, прогуливаться на открытомъ воздухѣ; а между прочимъ хитрый врачъ не упустилъ изъ вида сказать княжнѣ, что Темиръ употреблялъ всю способность своего ума и ласки вывѣдать у него тайну: кто есть настоящій его благодѣтель и спаситель его жизни,

DAMAGED PAGE(S)

чтобъ онъ могъ изъявить ему чувствительную за то благодарность.

— И ты ему обо мнѣ открылъ?

— Нѣтъ, не думайте, прекрасная княжна, чтобъ Гирамъ былъ столько глупъ и опрометчивъ, дозволилъ себя обольстить и провести такому молокососу! Самый хитрый человѣкъ со всѣмъ своимъ умомъ, хотя бы осыпалъ меня съ головы и до ногъ золотомъ, не выпытаетъ этой тайны, которую я обязанъ хранить, какъ залогъ моей къ вамъ преданности, глубочайшаго почтенія и вѣчной признательности за всѣ ваши ко мнѣ милости. Самыя ужаснѣйшія мученія и угрозы лишить меня жизни не въ силахъ будутъ извлечь изъ устъ моихъ одного слова, могущаго обнаружить эту тайну. Вы уже, княжна, не разъ испытали мою вѣрность и усердіе, которыя я доказалъ нынѣ свыше силъ моихъ, возвративъ къ жизни князя Темира, который бы неминуемо подвергнулся смерти, еслибъ попалъ не въ мои руки.

— Я тебѣ за это весьма благодарна, сказала съ улыбкой Земира, подавая лукавому врачу кошелекъ съ 200 червонныхъ, промолвивъ: вотъ тебѣ награда за твою услугу! Я не хочу оставаться у тебя въ долгу; за скромность же твою и дальнѣйшія исполненія моихъ желаній можешь ожидать отъ меня вящшей награды.

Гирамъ, обрадованный столь богатымъ подаркомъ и обѣщаніемъ княжны, упалъ къ ногамъ ея, цѣлуя ея руки и увѣряя, даже съ притворными слезами, что онъ до послѣдняго вздоха останется ей преданнымъ и вѣрнымъ слугою.

Княжна приказала Гираму встать и идти къ Темиру и объявить ему дозволеніе прогуливаться на свободѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, въ окружностяхъ этого жилища и удалилась отъ восхищеннаго врача; а этотъ опрометью бросился въ комнату Темира,

— Теперь вы, любезный князь, по совѣту моему и испрошенному мною дозволенію, для возстановленія вашего здоровья и укрѣпленія вашихъ силъ, можете свободно прогуливаться на открытомъ воздухѣ, а притомъ, какъ вашъ исцѣлитель отъ смертоносныхъ ранъ, я предписываю на первый разъ не слишкомъ много ходить и углубляться въ лѣсъ или на утесистыя горы, гдѣ часто встрѣчаются лютые звѣри и другіе опасные гады, могущіе быть для васъ пагубными, потому что вы не имѣете при себѣ никакого оружія.

— Благодарю тебя отъ всего моего сердца, почтеннѣйшій Гирамъ, за мое исцѣленіе и всѣ попеченія, равно и ту особу, которая принимаетъ во мнѣ несчастномъ такое нѣжное участіе. Вѣрь честному слову тобой избавленнаго отъ смерти, что лишь только получу

свободу, то первымъ долгомъ себѣ поставлю за твою услугу вознаградить тебя сторицею, ибо я довольно богатъ, чтобъ исполнить это мое обѣщаніе.

— О! я очень увѣренъ, сказалъ Гирамъ съ радостію, что честное слово добродѣтельнаго князя Темира будетъ въ полномъ смыслѣ исполнено. А если и послѣдуютъ для его свободы какія-либо препятствія, то онъ и здѣсь можетъ исходатайствовать для его исцѣлителя все то, что только пожелаетъ.

— Какимъ же образомъ я могу это исполнить, когда не вижу въ глаза той особы, которой я обязанъ спасеніемъ моей жизни? Открой мнѣ ея званіе и имя, тогда я употреблю всѣ силы исполнить твои желанія и мою обязанность.

Гирамъ, низко кланяясь и прикладывая руки къ груди своей, по азіатскому обычаю, съ улыбкою, довольно понятною, промолвилъ: время и случай все откроютъ, но тогда не забудь и меня.

— Теперь пойдемъ, любезный мой князь, сказалъ Гирамъ Темиру, прогуляться въ окружностяхъ. Я на этотъ разъ буду твоимъ проводникомъ въ неизвѣстныхъ тебѣ еще здѣшнихъ мѣстахъ. Беретъ Темира за руку. Они выходятъ изъ комнаты въ сопровожденіи Ахмета, несущаго за ними въ корзинкѣ разныя заѣдки и фрукты, тотъ самый сосудъ съ

напиткомъ и стклянку съ крѣпительнымъ лекарствомъ для нашего раненаго героя.

Земира, скрываясь въ это время за занавѣсомъ у окна въ своей комнатѣ, съ бьющимся сердцемъ и волненіемъ въ душѣ смотрѣла на своего милаго плѣнника. Юный князь собою прелестенъ, мужественъ, великодушенъ, скроменъ и чувствителенъ, сказала она съ глубокимъ вздохомъ. Онъ могъ бы составить мое и собственное свое счастіе, еслибъ согласился навсегда здѣсь остаться и соединить свою судьбу съ моею и быть другомъ нашего народа; но онъ имѣетъ родителей и сестру; а можетъ быть, и предметъ своей страсти въ его отечествѣ, которые ему столь драгоцѣнны и куда его душа, безъ сомнѣнія, стремится, хотя я ни разу не слыхала призыва послѣдней, кромѣ его родителей и погибшаго въ сраженіи его друга Алея, коего смерть онъ не перестаетъ оплакиватъ, что доказываетъ, что онъ имѣетъ столь же прекрасное сердце, какъ и его наружность.... Все, все меня въ немъ прельщаетъ и открываетъ въ немъ новыя достоинства, продолжаетъ Земира, отирая свои слезы; но онъ никогда не можетъ быть моимъ супругомъ, хотя я вольна располагать своей рукой, сердцемъ и богатствомъ, какъ самовластная повелительница своихъ желаній; но всеобщій ропотъ нашего народа, негодованіе моихъ родственниковъ и завистливые сопер-

ники, коихъ предложеніе я отвергла съ пренебреженіемъ, обратятъ всю свою злобу и мщеніе на невиннаго Темира, который легко можетъ погибнуть отъ ихъ ухищреній и преслѣдованій. Но если бъ Темиръ согласился остаться здѣсь и быть моимъ супругомъ, тогда они были бы слабы нанести ему даже малѣйшее оскорбленіе; такой отличный герой, какъ Темиръ, могъ бы одинъ сдѣлать перевѣсъ въ кровавыхъ битвахъ противу многочисленныхъ непріятелей; но онъ, безъ сомнѣнія, отвергнетъ таковыя предложенія и не захочетъ сдѣлаться измѣнникомъ противъ своего отечества, покинувъ на старости своихъ родителей безъ призрѣнія и подпоры; отпустить же его изъ плѣна.... Сердце мое, его обожающее, не допуститъ меня исполнить это намѣреніе, хотя бы я желала сдѣлать его свободнымъ, ибо я не перенесу столь горестной для меня разлуки. Увы! я не имѣю друга, кому бы могла ввѣрить мои мученья и мои надежды, кромѣ одной природы и ночей, которыя я провожу безъ сна, проливая слезы въ моемъ уединеніи. Я замѣчаю, что и Темиръ также не спокоенъ своею душею: это можно видѣть по его печальному лицу и наклоненной на грудь головѣ, когда онъ шелъ съ Гирамомъ и Ахметомъ.—Ахъ, если бъ я могла читать, что происходитъ теперь въ его

сердцѣ, то бы приняла надежныя мѣры къ моей надъ нимъ побѣдѣ!

Такъ размышляла и говорила сама съ собою прелестная Земира и удалилась отъ окна, чтобъ успокоить свои чувства и сдѣлать новый сюрпризъ для нашего героя.

Темиръ съ Ахметомъ, возвратясь съ прогулки въ свою комнату, къ немалому своему удивленію, увидѣлъ на диванѣ положенную богатую кабардинскую одежду, богатый поясъ, пару карманныхъ пистолетовъ и свою булатную саблю, къ которой привязана была розовою ленточкою маленькая записочка слѣдующаго содержанія:

„Отъ дружескаго сердца доставляются эти малые дары князю Темиру; просятъ ихъ принять съ такими же чувствами, съ какими ему предлагаются; но оружія при оныхъ не употреблять во зло противу тѣхъ, которые пекутся о его спокойствіи и счастіи, исключая защиты, въ случаѣ опасности, отъ зловредныхъ людей и звѣрей“.

Темиръ, обрадованный симъ новымъ доказательствомъ къ нему вниманія отъ невидимаго благодѣтеля, показалъ Ахмету ту записочку, который, сердечно полюбя нашего героя за ласковое и дружеское съ нимъ обращеніе и раздѣляя съ нимъ все то, что онъ получалъ для своего пресыщенія, просилъ объяснить ему со всею откровенностью, чьей

руки эта записочка, и кто именно тотъ, у кого онъ находится въ плѣну?

Ахметъ, съ веселою улыбкою, подаетъ ему знакъ молчанія, показываетъ пальцомъ на золотой сосудъ, стоящій на столѣ, и тихо прошепталъ:

— Наша княжна Земира! Смотри-жъ, будь скроменъ и молчаливъ, а то я буду за открытіе этой тайны отвѣчать моею бѣдной головой!

Темиръ съ восхищеніемъ цѣлуетъ Ахмета и клянется, сказанное имъ сохранить до гроба въ глубинѣ своего сердца

-- Такъ это ты, прелестная дѣвица, которую я, не знавъ, уже любилъ въ душѣ моей! восклицаетъ въ восторгѣ и упоеніи всѣхъ чувствъ Темиръ. Благословляю мою судьбу, что она дала мнѣ случай узнать единственное и совершеннѣйшее существо въ природѣ, тебя, несравненная княжна, спасительница моей жизни! Ты заставляешь меня забыть всѣ горести и плѣнъ, который облегчила своимъ благодѣяніемъ. Клянусь тебѣ всѣмъ, что есть святаго, отнынѣ посвятить тебѣ мою жизнь и услуги. Всякое твое слово и всѣ твои желанія будутъ для меня священны. Одна ты можешь располагать мною и повелѣвать по своему произволу и желанію. Я на вѣки твой плѣнникъ и почитатель твоей рѣдкой красоты и достоинствъ.

Ахметъ, хватая его за руку, сказалъ:—тише, тише, князь! вы выходите изъ границъ благоразумія и осторожности, подвергая меня опасности и гнѣву княжны, если услышаны будутъ ваши слова. Гдѣ-жъ ваши обѣщанія и клятва быть скромнымъ и молчаливымъ въ сохраненіи этой тайны?

Темиръ, очувствовавшись и усмотрѣвъ свою ошибку, просилъ извиненія у добраго Ахмета и обѣщался быть впередъ благоразумнѣе и осторожнѣе.

Съ этой минуты нашъ влюбленный плѣнникъ не переставалъ мыслить о прелестной Земирѣ, которой образъ всюду слѣдовалъ за нимъ: и здѣсь, и въ уединенныхъ его прогулкахъ, и во время ночи, на яву и во снѣ представлялся ему въ очаровательныхъ видахъ и болѣе и болѣе воспламенялъ его воображеніе. Земира, съ своей стороны, была точно въ такомъ же положеніи и не находила средствъ къ своему разсѣянію и спокойствію.

Въ этотъ самый день, когда пришелъ къ ней Ахметъ за кушаньемъ для князя Темира, Земира спросила у него, чѣмъ занимается юный князь, когда остается съ нимъ наединѣ?

— Онъ, княжна, каждую минуту, на яву и во снѣ, бредитъ изображеніемъ вашимъ на золотомъ сосудѣ и не спускаетъ съ него глазъ съ утра до вечера, вздыхаетъ, проливаетъ

слезы, говоритъ съ нимъ, какъ съ одушевленнымъ предметомъ, и я боюсь, чтобъ онъ не лишился вовсе разсудка, если надолго продлится его здѣсь плѣнъ.

— Добрый, милый Темиръ! какъ ты сдѣлался драгоцѣненъ моему сердцу отъ твоихъ нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ! О, еслибъ ты увидѣлъ ту, которая тебя давно любитъ и дышетъ однимъ тобою, то я навѣрное предугадываю, что твое желаніе тогда исполнилось бы и радость твоя была бы совершенна.

— Послушай, Ахметъ, прибавила княжна, отнюдь не смѣй объяснять моей тайны Темиру и то, о чемъ я теперь съ тобой говорила, подъ опасеніемъ моего за то гнѣва, и старайся веселостію твоего характера развлекать задумчивость и мысли Темира, которыя могутъ быть вредны для его, мнѣ драгоцѣннаго, здоровья. Я, со временемъ, короче съ нимъ ознакомлюсь и извѣдаю его чувства и любовь ко мнѣ. А также не упускай изъ вида присматривать за дѣйствіями и поступками злобныхъ князей Тамерлана и Шакшибена, которые питаютъ ко мнѣ ненависть за сдѣланный имъ мною отказъ, съ которымъ нибудь изъ нихъ вступить въ супружество. Теперь они всю злобу и мщеніе свое обратятъ на невиннаго князя Темира и будутъ искать его погибели. Я даже сомнѣваюсь въ искренности лукаваго Гирама, который есть заду-

шевный пріятель моимъ врагамъ и за горсть золота готовъ продать свою душу.

— Ваша правда, княжна, сказалъ Ахметъ, я всѣмъ сердцемъ ненавижу этого скареднаго сребролюбца, лукавствующаго какъ бѣсъ, вертящагося между добрыхъ людей. На сей предметъ, а также и относительно тайны, будьте, княжна, спокойны: я буду надзирать за ними недремлющимъ окомъ.

— Вѣрю словамъ твоимъ, добрый Ахметъ, сказала княжна и пожаловала ему нѣсколько золотыхъ монетъ. А если исполнятся желанія моего сердца, то за твои услуги будешь мною щедро награжденъ. Завтра поутру предложи Темиру прогулку въ цвѣтущую долину, названую мною *долиною радости и наслажденій* по ея прекрасному мѣстоположенію, гдѣ я часто послѣ трудовъ отдыхала подлѣ кристальнаго ручья, подъ тѣнистымъ деревомъ. Вѣроятнѣе всего это мѣсто изберетъ для отдыха Темиръ, и, не зная, кто его посѣщаетъ, будетъ мечтать о любимомъ имъ изображеніи на сосудѣ, съ которымъ не можетъ разстаться. Теперъ иди и предложи князю обѣдъ съ этою бутылкою прекраснаго вина, которое нужно для возстановленія его силъ и для бодрости духа.

Темиръ по веселымъ взглядамъ и радостной на устахъ улыбкѣ у возвратившагося Ахмета, замѣтилъ, что онъ отъ княжны получилъ

какую-нибудь милость или награду. Ахметъ поставилъ передъ нимъ въ фарфоровыхъ блюдахъ кушанье и плоды, съ бутылкою вина.

— Отъ кого это послѣднее?

— Сто разъ не повторяется одно и то-же, надобно быть догадливѣе, меньше говорить и больше слушать! отвѣчалъ веселый Ахметъ, а вамъ на здоровье желаютъ кушать.

— Прелестная Земира?

— Толковать о томъ, что ясно, какъ солнце, право, мнѣ кажется, очень забавнымъ, отвѣчалъ послѣдній.

Темиръ наливаетъ въ богатый кубокъ пѣнящагося вина, сыпавшаго искры, и громко произноситъ:

— За здоровье и славу побѣдителя, спасшаго жизнь мою! (Выпиваетъ вино и опять онымъ наполняетъ кубокъ). Ахметъ! и ты, если любишь своего повелителя, также послѣдуй моему примѣру.

— Нѣтъ, князь, я еще не употребляю этого напитка.

— Враки! за его здоровье, или — въ противномъ случаѣ, я сочту, что ты ни ему, ни мнѣ не желаешь счастія.

— О! когда вы такъ обо мнѣ думаете и вовсе несправедливо, то я вамъ докажу на дѣлѣ противное. За здоровье и исполненіе общаго желанія тѣхъ, которыхъ люблю! воскликнулъ Ахметъ и, выпивши до дна вино,

оборотилъ кубокъ вверхъ дномъ. Видите ли, что вы ошиблись въ вашемъ замѣчаніи. Я исполнилъ ваше приказаніе и желаніе, не взирая на то, что еще отъ роду не употреблялъ хмѣльнаго, и теперь чувствую въ головѣ своей круженіе

— Это сейчасъ пройдетъ отъ потребленія пищи, возразилъ Темиръ, садись вмѣстѣ со мной обѣдать.

— Нѣтъ я этого сдѣлать не смѣю, потому что не природный и знаменитый князь, а вашъ слуга и невольникъ моего повелителя, который самъ уважетъ и чтитъ въ васъ доблести героя.

— Что до меня, то я не соглашусь имѣть друга, хотя равнаго со мною званія, если онъ будетъ имѣть различныя чувства и желанія, несообразныя съ правилами добродѣтели и чести; напротивъ, человѣкъ, обладающій превосходными правилами ума и сердца, хотя и безъ всякаго просвѣщенія и гораздо низшаго меня сословія, можетъ заслужить мою дружбу и любовь, когда всѣ наши мысли будутъ устремлены къ одной точкѣ, которую мы избрали цѣлію нашихъ занятій и желаній. Другомъ истиннымъ назваться можетъ только тотъ, который готовъ съ нами пить общую чашу радостей, счастія и наслажденій, а также и чашу горестей, напастей, нуждъ и опасностей, не щадя сво-

ей для друга жизни; тогда то сердца друзей сливаются въ одно существо и узелъ дружбы разрушается только за дверями гроба.

Ахметъ со вниманіемъ и пылающими щеками слушалъ сужденіе Темира.—А что, князь, сказалъ онъ, потупя большіе черные глаза свои въ землю, могу ли я пріобрѣсть себѣ подобнаго друга, о которомъ ты теперь говорилъ. напримѣръ, подобно такому знаменитому князю, какъ ты?

— Почему же и не такъ? Если ты этого достоинъ, то различіе состояній не сдѣлаетъ въ томъ никакого препятствія. Ты во время моей болѣзни и опасности, безотлучно находился при мнѣ, лишаясь и днемъ и ночью покоя и даже сна. Ты разсѣевалъ мою скорбь и страданія веселыми разсказами, предупреждалъ мои малѣйшія желанія и, наконецъ (понизивъ голосъ), открывъ мнѣ тайну, восхитилъ мою душу и даровалъ мнѣ новое бытіе. Слѣдовательно, не только заслуживаешь отъ меня вѣчную признательность за твои услуги и преданность, но и искреннюю мою къ тебѣ дружескую привязанность.

— А я тебѣ до гроба моего останусь вѣрнымъ и тебя любящимъ всею душою Ахметомъ, сказалъ со слезами на глазахъ этотъ добрый юноша и упалъ въ объятія растроганнаго Темира, который, успокоивъ его нѣ-

сколько, заставилъ раздѣлить съ нимъ присланный Земирою обѣдъ.

— Завтра, рано поутру, мы пойдемъ съ тобою, князь, гулять въ цвѣтущую долину, названную, по прелестному своему виду, *долиною радости и наслажденій*, гдѣ ты, можетъ быть, увидишь и еще что-нибудь гораздо занимательнѣйшее и болѣе драгоцѣнное, чѣмъ эта долина.

Темиръ въ восторгѣ воскликнулъ: ахъ! для чего теперь только еще полдень предъидущаго дня, а не утро, назначенное къ моему счастію?

— На все надо имѣть время и терпѣніе, сказалъ съ усмѣшкою Ахметъ; говорятъ опытные и старые люди, что послѣ продолжительныхъ ожиданій желаемаго, гораздо бываетъ сладостнѣе исполненіе нашихъ надеждъ.

Въ сихъ и подобныхъ разговорахъ прошелъ почти весь день. Вечеръ былъ прекрасный; солнце послѣдними своими лучами позлащая вершины высокихъ горъ, медленно опускалось по небосклону и протягивало по землѣ длинныя тѣни лѣсовъ, въ коихъ пернатые обитатели гласили послѣднюю вечернюю пѣснь усыпающей природѣ, чтобъ послѣ укрыться въ темнотѣ ночной отъ непогоды и холоднаго вѣтерка въ своихъ темныхъ гнѣздышкахъ. Стада съ тучныхъ пажитей

и луговъ возвращались въ свои мирные кровы.

Въ это время Темиръ, сопровождаемый Ахметомъ, вооруженный винтовкою, прошедъ довольное пространство пути отъ жилища его до цвѣтущей лужайки, среди лѣса находящейся, сѣлъ подъ одно тѣнистое дерево и, упоенный разными пріятными чувствами, рвалъ цвѣточки съ муравы и плелъ вѣнокъ изъ оныхъ, мысленно для обожаемой имъ Земиры. Ахметъ предложилъ Темиру подкрѣпить себя небольшимъ кубкомъ вина и откушать прекрасныхъ плодовъ, прохлаждающихъ внутренность, на что послѣдній съ удовольствіемъ согласился.

— Послушай, Ахметъ! сказалъ съ улыбкою ему Темиръ, хочешь ли, чтобъ я спѣлъ тебѣ пѣсенку про мое отечество и про здѣшнее житье-бытье, мною сочиненную вчерашній день?

— Съ величайшею радостію! отвѣчалъ Ахметъ, мнѣ очень хочется услышать твой голосъ, искусство, которое столько же должно быть превосходно, какъ наружность и чувства моего князя.

Темиръ, поблагодаривъ Ахмета за такой отзывъ, запѣлъ чистымъ и плѣнительнымъ голосомъ, котораго эхо повторялось въ пространномъ лѣсу, ихъ окружающемъ.

Вотъ пѣсня, которую пѣлъ прекрасный плѣнникъ:

Быстрыя рѣки, цвѣтущи долины,
Тихія рощи, темны лѣса,
Горы крутыя со снѣжной вершиной,
Ниже которыхъ бѣгутъ облака.
Нутръ Дагестана богатства несмѣтны,
Несмѣтна и сила и храбрость мужей;
Дѣвы прелестны, какъ майскія розы,
Съ гордой осанкой, вливаютъ любовь!
Я тамъ родился, родителей нѣжныхъ
Оставилъ я ихъ и милу сестру;
Тамъ я у воевъ сражаться учился,
И рыскалъ повсюду на быстромъ конѣ.
Чрезъ горы крутыя, ущелія темны,
Копьемъ и стрѣлами звѣрей убивалъ,
Страшны стремнины, бездны глубоки—
Птицею, вихремъ чрезъ нихъ перлеталъ!
Но буря военна меня отозвала
Съ храброй дружиной чрезъ горы высоки.
Сюда я въ мгновенье стрѣлой прилетѣлъ;
Здѣсь я, какъ левъ, метался, сражался,
И силой, искусствомъ враговъ побѣждалъ;
Рыцарь прекрасный со мной повстрѣчался,
Въ то время, мой другъ, сраженный, упалъ.
Конь его бѣлый, блестящи доспѣхи,
Юность съ красою—блистали въ лицѣ.
Меня вдругъ сраженна безъ всякой помѣхи,
Спасши отъ смерти, повлекъ за собой.

Отъ ранъ исцѣленъ его попеченьемъ;
Онъ мнѣ жизнь нову здѣсь даровалъ;
Теперь онъ меня терзаетъ мученьемъ,
Скрываясь нарочно, чтобъ я не видалъ.
Его-жъ полюбилъ я сердцемъ, душою,
А онъ, безъ сомнѣнья, не любитъ меня.
Когда-жъ я увижу его предъ собою,
Чтобъ благодарность ему могъ принести.
А послѣ прощусь, прощусь съ нимъ на вѣки,
Въ отечество мило опять возвращусь;
Рыцарь любезный, явись предо мною,
Душу и сердце мое успокой!—
Бѣдный Темиръ тебя призываетъ;
Если ты слышишь несчастнаго гласъ,
Спѣши къ нему въ помощь! тебя умоляетъ,
Отри его слезы, текущи изъ глазъ.

— Вотъ храброму и ненавистному Дагестанцу, обожателю рыцаря бѣлаго коня, за пѣтую имъ пѣсенку награда!... заревѣлъ басистымъ голосомъ кто-то въ лѣсу, и въ ту же минуту раздался выстрѣлъ, и пуля, просвиставъ близъ головы нашего героя, ударилась въ ближнее дерево,

Темиръ, безъ всякой робости, вставъ съ своего мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, обратясь къ трепещущему отъ страха Ахмету, съ улыбкою ему сказалъ.

— Мой непріятель, вѣрно, худой стрѣлокъ, когда въ такомъ ближнемъ разстояніи не могъ

попасть въ избранную имъ цѣль? Если бъ я былъ на его, а онъ на моемъ мѣстѣ, то вѣрно бы ему пришлось здѣсь покоиться вѣчнымъ сномъ!

— Злодѣй! вскричалъ кто-то громко за кустами, ты не избѣгнешь моего преслѣдованія и мщенія!... Трепещи!...

— Темиръ! ради Бога, удались отсюда скорѣе, произнесъ тотъ же голосъ, чтобъ вторичный выстрѣлъ нашего врага не былъ для тебя пагубенъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Часть вторая

БИТВА СЪ КАБАРДИНЦАМИ.

— Теперь я нажилъ себѣ на шею непримиримаго врага въ этой прелестной женщинѣ, ворчалъ, сквозь зубы, звѣрскаго вида и исполинскаго роста Кабардинецъ, ходя по пространной комнатѣ, устланной богатыми персидскими коврами, большими и неровными шагами.— Чортъ меня возьми! повторилъ онъ, остановясь передъ окномъ. Какъ это могъ я сдѣлать промахъ, когда цѣль была вѣрна? Вотъ первое мое покушеніе спровадить на тотъ свѣтъ ненавистнаго мнѣ соперника имѣло дурной успѣхъ! Постараюсь вторично попытать моего счастія, и если и въ этотъ разъ не удастся мнѣ исполнить моего сердечнаго желанія, то золото откроетъ мнѣ лучшій и легчайшій путь къ пагубѣ моего врага: но здѣсь надобно хранить тайну и дѣйствовать съ благоразуміемъ, а то самому придется дорого заплатить за свою неосторожность! Теперь только еще падетъ на меня одно подозрѣніе въ зломъ моемъ умыслѣ, которое легко можно уничтожить хитростію и лукавствомъ, которымъ я научился съ малолѣтства, а мщеніе за малѣйшую мнѣ обиду и губительныя

средства для низложенія враговъ—есть господствующія мои страсти! Но вотъ ползетъ сюда и негодяй, котораго я ненавижу, но который мнѣ теперь нуженъ и весьма полезенъ. Притворимся спокойнымъ! (Садится на диванъ).

— Въ добромъ ли здоровьѣ обрѣтается мой дорогой и великомощный князь? сказалъ, вошедшій въ комнату, Гирамъ, низко кланяясь хозяину дома.

— А, это ты, любезнѣйшій врачъ? Милости просимъ! ты кстати ко мнѣ пожаловалъ. Садись-ка, да поговоримъ съ тобою о дѣлѣ, которое меня занимаетъ и тревожитъ мое сердце. Скажи ка, какъ поживаютъ твой раненый плѣнникъ и княжна? что они теперь подѣлываютъ?

— Первый, помощію моего искусства, исцѣленъ совершенно отъ его опасныхъ ранъ, а о второй ничего не могу донести вамъ, кромѣ того что она прилагаетъ величайшее участіе и попеченіе о своемъ прекрасномъ плѣнникѣ, князѣ Темирѣ, отвѣчалъ Гирамъ.

— Это все хорошо: Земирѣ свойственно человѣколюбіе! возразилъ съ лукавою улыбкою Тамерланъ; но чтобъ ты сдѣлался со мною пооткровеннѣе, то, въ залогъ прежней нашей съ тобой дружбы, выпьемъ-ка, братъ, по кубку отличнаго винца. Хотя употребленіе онаго и запрещено намъ пророкомъ нашимъ Магометомъ, но нынѣ и муллы наши

потягиваютъ его исправно, а намъ развѣ приходится быть спокойными зрителями ихъ невоздержанія и считать ихъ глотки? Не правду ли я сказалъ?

— Совершенную истину, почтенный князь! отвѣчалъ съ поклономъ Гирамъ Я, грѣшный, не запираюсь въ томъ, что люблю хорошенькое винцо, и съ аппетитомъ онаго теперь выпью, если вамъ благоугодно будетъ имъ поподчивать всенижайшаго вашего раба.

— О! съ большимъ удовольствіемъ, любезный Гирамъ.

Стучитъ въ столъ и вошедшему слугѣ приказываетъ подать самаго лучшаго вина и два золотыхъ кубка, которые чрезъ нѣсколько минутъ принесены и поставлены предъ Тамерланомъ и его собесѣдникомъ.

— Ну-ка, товарищъ прежнихъ нашихъ игръ и шалостей, выпьемъ-ка за общее наше здоровье, сказалъ Тамерланъ, и, наполнивъ кубки пѣнящимся виномъ, подалъ одинъ Гираму, а другой взялъ въ руку самъ; они почокались ими и опорожнили до дна.

Я думаю, не худо бы было и еще повторить? спросилъ Тамерланъ у эскулапа.

— Это отъ воли вашей зависитъ, князь, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Гирамъ, и кубки опять налиты и высушены до дна.

— Теперь мы немножко поправились, сказалъ съ улыбкою Тамерланъ.

— Да, и очень кстати, потому что я нездоровъ внутренностію желудка, а это прекрасное винцо произвело въ немъ удивительное и спасительное дѣйствіе, отвѣчалъ Гирамъ.

— Сердечно радуюсь, возразилъ съ улыбкой Тамерланъ, что мое винцо тебѣ понравилось и было въ твоей немощи полезно. Гирамъ! скажи мнѣ со всею откровенностію, какъ Земира расположена къ плѣнному князю Темиру?

— Какъ нельзя лучше, почтенный Тамерланъ; она на него не надышетъ.

— Мудреное дѣло, возразилъ первый, такой красавицѣ, владѣтельной княжнѣ, обладающей великимъ богатствомъ, и влюбиться въ плѣннаго бродягу Дагестанца, который, сдѣлавшись плѣнникомъ нашего народа, долженъ бы былъ влачить тягостныя оковы невольника, а она предпочла этого негодяя могущественнымъ и славнымъ князьямъ Тамерлану и Шакшибену, которые предлагали ей свою руку и сердце; теперь, питая непростительную страсть къ общему плѣннику, взятому ею подъ свое покровительство, посрамляетъ свое имя, свою честь въ глазахъ всего народа, и навлечетъ себѣ и Дагестану множество враговъ!

— Которыхъ Земира не боится, ибо окружена многочисленными своими подданными,

готовыми принести ей въ жертву свою жизнь и все достояніе, возразилъ Гирамъ. Да и сей Дагестанскій князь, какъ я отъ многихъ слышалъ, есть высочайшій и мужественнѣйшій изъ витязей своего отечества, и можетъ одинъ противиться множеству враговъ, коего ужасный мечъ, съ быстротою молніи, поражаетъ всѣхъ дерзнувшихъ съ нимъ сразиться.

— Много чести и славы для такого мальчика, какъ вашъ Дагестанецъ! вскричалъ, громко захохотавъ, Тамерланъ. Да какъ же вашъ непобѣдимый Темиръ, нами раненый, взятъ именно мною въ плѣнъ?

— А я такъ слышалъ, сказалъ Гирамъ, оглушенный грохотомъ Тамерлана, что, когда княжна Земира попалась было къ нему въ плѣнъ, то подоспѣвшіе на помощь къ ней ея панцырники ее освободили, а Темира, мстящаго за смерть своего друга Алея и поражавшаго немилосердно нашихъ воиновъ, жестоко ранили, и уже безчувственнаго и умирающаго захватили въ плѣнъ, и ты, князь, привезъ его въ этомъ положеніи въ домъ Земиры.

— Да, еслибъ я могъ предвидѣть что послѣ случилось, то въ то же время, везя этого ненавистнаго Дагестанца на своихъ колѣнахъ, задушилъ бы своими руками!

— Это значило бы беззащитнаго и умирающаго лишить жизни, когда онъ не въ си-

лахъ былъ сопротивляться, не было бы похвально со стороны такого могущественнаго князя, какъ Тамерланъ, возразилъ съ лукавою насмѣшкою Гирамъ.

— Подлая тварь! вскричалъ съ запальчивостью раздраженный его замѣчаніями Тамерланъ, и ты смѣешь ругаться мнѣ въ глаза? Сжимаетъ свой ужасный кулакъ и возноситъ его надъ головою трепещущаго отъ страха Гирама.

— Убью тебя, несчастный сребролюбецъ!

— Ай, ай! кричитъ испуганный эскупапъ, подлѣ стѣнки пробираясь къ дверямъ. Помогите! спасите бѣднаго изъ челюстей страшнаго тигра!

Князь Шакшибенъ, останавливая его въ дверяхъ:

— Куда ты, Гирамъ?

— Пусти, пусти меня, князь! здѣсь меня хотѣли убить!... беззащитнаго, бѣднаго человѣка! Вонъ звѣрь, хотѣвшій растерзать меня (показываетъ на Тамерлана). Тебя Алла послалъ къ моему спасенію! А то вѣрно бы меня не было уже на свѣтѣ. Тамерланъ принялъ опіума, и бѣснуется и жаждетъ моей невинной крови...

— Молчи, Гирамъ! Твой разсудокъ, безъ сомнѣнія помраченный виномъ, представляетъ моего друга тебѣ въ столь ужаснѣйшемъ видѣ. Воротись.

Тащитъ его за полу платья.

— Будь спокоенъ, я васъ скоро примирю. Вѣрно ты что-нибудь сказалъ оскорбительное князю, что онъ вышелъ изъ границъ терпѣнія?

— Ничего, ничего, кромѣ правды, которая колетъ ему глаза.

— Полно-жъ сердиться, нашъ милый Гирамъ, сказалъ врачу Шакшибенъ; вѣдь это все пройдетъ, и мы опять останемся друзьями.

— Никогда, никогда! говорилъ Гирамъ; быть другомъ тому, который хотѣлъ отнять мою жизнь? это невозможно!...

— Садись-ка, нашъ пріятель, наше неизмѣнное копье, нашъ мудрый совѣтникъ, искусный врачъ, прибавилъ Шакшибенъ, насильно сажая на диванъ подлѣ Тамерлана, который надрывается отъ смѣха, усмотрѣвъ блѣдность лица бѣднаго эскулапа, съ ужасомъ на него взирающаго. А вотъ здѣсь есть и самое лучшее средство къ примиренію, продолжаетъ послѣдній, наливая въ бокалы вино и поставивъ ихъ предъ Тамерланомъ и Гирамомъ. За примиреніе друзей и за исполненіе общихъ нашихъ желаній и намѣреній! Тамерланъ, протягивая руку свою къ врачу:

— Помиримся?

— Боюсь! отвѣчаетъ лукавецъ: давно ли ты хотѣлъ меня растерзать? выпить кровь мою? А теперь сталъ смиренъ, какъ ягненокъ.

— Примиритесь! возражаетъ Шакшибенъ, и заставляетъ ихъ выпить по кубку вина.

Гирамъ опять сталъ веселъ.

— А что, каковъ нашъ раненый плѣнникъ? спросилъ у послѣдняго Шакшибенъ.

— Веселъ, доволенъ и въ совершенномъ здоровьѣ, отвѣчалъ врачъ.

— Слѣдовательно, ты не помнишь моей просьбы и не пожелалъ обѣщанной тебѣ награды, чтобъ спровадить этого молодца въ преисподнюю ада?

— Этого я сдѣлать не могъ, отвѣчалъ, заикаясь, Гирамъ, потому что сама княжна присматривала за всѣми моими поступками и, знавши врачебную науку, какъ пять пальцевъ на рукѣ, составляла для раненаго лекарства, пищу и питье. А притомъ, надо правду-матку сказать, что вѣдь наличное золото вѣрнѣе богатыхъ посуловъ! Княжна Земира пожаловала мнѣ за излеченіе Темира двѣсти червонныхъ, а отъ васъ я еще ни одного не получилъ.

— Однакожъ онъ ей не дешево стоитъ, присовокупилъ Шакшикенъ; но если-бъ ты исполнилъ о чемъ я тебя просилъ, то ты бы мною былъ осыпанъ съ головы до ногъ золотомъ!

— Да, это было бы для меня очень хорошо, отвѣчалъ Гирамъ, почесывая свой затылокъ, да то бѣда, что я не имѣлъ въ виду

задатка за мои услуги отъ васъ; а теперь исполнить ваши желанія и требованія уже поздно. Въ другомъ случаѣ, я готовъ оказать вамъ мои услуги, но не иначе, какъ тогда, когда вы дадите мнѣ обѣщаніе впередъ заплатить, ходячею монетою, хотя половину или четвертую часть той платы, какую вы мнѣ назначите; безъ того я не стану дѣйствовать.

— Хорошо, мы на это согласны, сказалъ Тамерланъ, до сего времени сохранявшій угрюмое молчаніе, но съ уговоромъ: первое, хранить нашу общую тайну, не открывать никому [о томъ, что мы говоримъ и какъ будемъ дѣйствовать; второе, за неисполненіе твоего обѣщанія и неустойку, подвергаешься ты наказанію по 50 ударовъ въ пяты твои. За первое ты получишь отъ каждаго изъ насъ по 25 червонныхъ въ задатокъ, а за послѣднее ты подвергнешься, сказанному мною, штрафу или наказанію.

— Первое я принимаю на себя съ удовольствіемъ, а послѣдняго вовсе не желаю.

— Мы очень понимаемъ, что деньги для тебя гораздо лучше, чѣмъ палочные удары; но вѣдь ихъ даромъ не даютъ, а смотря по услугѣ и исполненію, сказалъ Шакшибенъ.

— Хорошо! я готовъ исполнить вашу волю, но сперва любезное. золотцо въ руки: это

будетъ повѣрнѣе, нежели одни пустыя слова и обѣщанія.

— Изволь, мы на это согласны, вотъ тебѣ отъ меня плата! Шакшибенъ вынимаетъ изъ кармана свой кошелекъ и, отсчитавъ 25 червонцевъ, подаетъ ихъ Гираму. Тамерланъ дѣлаетъ то-же. Гирамъ, смотря завистливыми глазами на кошельки въ рукахъ князей, сказалъ:

— Нельзя ли еще сколько-нибудь добавить? Этотъ блестящій металлъ мнѣ очень понравился.

— Послѣ получишь еще, а теперь довольствуйся тѣмъ, что тебѣ даютъ, сказалъ Тамерланъ.

— Теперь говори и совѣтуй намъ, что умѣешь и знаешь.

— Я готовъ, но сохранена ли будетъ вами тайна, которую я открою? а то вѣдь Земира не пожалѣетъ головы искуснаго врача, не взирая на то, что я спасъ Темира отъ смерти.

— Клянемся нашею честію и совѣстію! вскричалъ торжественнымъ и страшнымъ голосомъ Тамерланъ. Гирамъ, почесывая свою плѣшивую голову, съ лукавою усмѣшкою сказалъ:

— Гм! эти двѣ поруки и свидѣтели не такъ-то для меня надежны!

— Какъ! ты сомнѣваешься въ нашей совѣсти и чести, негодяй? вскричалъ вспыль-

чиво Тамерланъ, вскочивъ съ своего мѣста съ угрожающимъ видомъ.

— Да полно яриться, князь, какъ неукротимый левъ! ты хочешь опять меня бить и взять на свою душу грѣхъ, не отдавъ мнѣ долгу.

— Какого?

— Какъ какого? А обѣщенной-то платы за мои услуги.

— Какія?

— Да тѣ, которыя я вамъ окажу.

— Каковъ же гусь! сказалъ, смѣясь Шакшибенъ; ну да нечего на него, князь, гнѣваться, когда его душа заключена въ одномъ золотомъ металлѣ. Начинай-ка Гирамъ, и скажи намъ, что ты хорошенькаго или нужнаго для насъ знаешь?

Гирамъ, изъ-подлобья взглядывая на Тамерлана, въ душѣ своей сулилъ ему всякія напасти, но видѣвъ, что тотъ весело обратилъ на него свои огненные, большіе черные глаза, успокоился.

— Знаете ли вы, что княжна Земира влюблена смертельно въ своего плѣнника?

— Знаемъ.

— А то, что она желаетъ быть его супругой?

— Нѣтъ.

— А знаете-ли вы, что Земира васъ почитаетъ за непримиримыхъ себѣ и Темиру

враговъ, и не иначе васъ называетъ, какъ подлыми злодѣями, готовыми на всякое преступленіе?

— Насъ, вскричалъ съ запальчивостію Тамерланъ?

— Да, васъ, именно васъ, въ особенности тебя, продолжалъ съ насмѣшливою улыбкою и лукавымъ взоромъ Гирамъ.

— Меня? О, я отомщу ей!

— Не горячись, князь! ты остынешь, когда я скажу, что она коротко знаетъ того человѣка, который вчера вечеромъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ лѣса въ князя Темира; но счастію послѣдняго, пуля, миновавъ его голову, вцѣпилась въ бѣдное дерево.

— А на кого она мѣтитъ?

— Прямо на тебя, князь! да и очень справедливо, ибо я самъ видѣлъ, какъ ты улизывалъ изъ лѣса съ твоею винтовкою.

— Слѣдовательно, ты донесъ ей обо мнѣ?

— Напротивъ, она сама знаетъ и прежде еще мнѣ говорила, что обоихъ васъ душою ненавидитъ! Да и твой невѣрный глазъ и выстрѣлъ надѣлалъ много шуму и заставилъ Темира отъ всего сердца смѣяться сегодня утромъ, когда я къ нему былъ присланъ княжною узнать объ его здоровьѣ, которая прежде сама меня предувѣдомила о злодѣйскомъ умыслѣ убить Темира и клялась жестоко отмстить его врагамъ. Темиръ, разска-

зывая мнѣ о вчерашнемъ съ нимъ приключеніи, прибавилъ съ насмѣшливымъ видомъ: я полагаю, что мой скрытный непріятель — худой стрѣлокъ, когда въ столь близкомъ разстояніи не могъ въ меня попасть. Если-бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, а я бы стрѣлялъ, то онъ теперь лежалъ-бы съ раздробленною головою! Я не думалъ, присовокупилъ онъ, чтобъ Кабардинцы, славящіеся своею мѣткостію стрѣлять, могли дѣлать такіе непростительные промахи, и совѣтовалъ бы имъ поучиться этому искусству у нашихъ Дагестанцевъ. Говорилъ онъ еще кое что, о чемъ не хочу и говорить.

— Ненавистный и низкій Дагестанецъ, ты дорого заплатишь мнѣ за твою язвительную насмѣшку! вскричалъ съ бѣшенствомъ Тамерланъ, вскочивъ съ своего мѣста и топая отъ ярости въ полъ ногами. Смерть! смерть врагамъ моимъ! ревѣлъ онъ страшнымъ голосомъ, изрыгая тысячу проклятій и угрозъ для невинныхъ Темира и Земиры, которые ничего не знали о заговорѣ этихъ злодѣевъ, изыскивающихъ средства къ ихъ пагубѣ и заключенію, а можетъ быть и къ вѣчной разлукѣ.

— Потише, потише князь, вы выходите изъ себя, и напрасно такъ себя разстраиваете чрезвычайнымъ гнѣвомъ и угрозами

враговъ, и не иначе васъ называетъ, какъ подлыми злодѣями, готовыми на всякое преступленіе?

— Насъ, вскричалъ съ запальчивостію Тамерланъ?

— Да, васъ, именно васъ, въ особенности тебя, продолжалъ съ насмѣшливою улыбкою и лукавымъ взоромъ Гирамъ.

— Меня? О, я отомщу ей!

— Не горячись, князь! ты остынешь, когда я скажу, что она коротко знаетъ того человѣка, который вчера вечеромъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ лѣса въ князя Темира; но счастію послѣдняго, пуля, миновавъ его голову, вцѣпилась въ бѣдное дерево.

— А на кого она мѣтитъ?

— Прямо на тебя, князь! да и очень справедливо, ибо я самъ видѣлъ, какъ ты улизывалъ изъ лѣса съ твоею винтовкою.

— Слѣдовательно, ты донесъ ей обо мнѣ?

— Напротивъ, она сама знаетъ и прежде еще мнѣ говорила, что обоихъ васъ душою ненавидитъ! Да и твой невѣрный глазъ и выстрѣлъ надѣлалъ много шуму и заставилъ Темира отъ всего сердца смѣяться сегодня утромъ, когда я къ нему былъ присланъ княжною узнать объ его здоровьѣ, которая прежде сама меня предувѣдомила о злодѣйскомъ умыслѣ убить Темира и клялась жестоко отмстить его врагамъ. Темиръ, разска-

зывая мнѣ о вчерашнемъ съ нимъ приключеніи, прибавилъ съ насмѣшливымъ видомъ: я полагаю, что мой скрытный непріятель — худой стрѣлокъ, когда въ столь близкомъ разстояніи не могъ въ меня попасть. Если-бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, а я бы стрѣлялъ, то онъ теперь лежалъ-бы съ раздробленною головою! Я не думалъ, присовокупилъ онъ, чтобъ Кабардинцы, славящіеся своею мѣткостію стрѣлять, могли дѣлать такіе непростительные промахи, и совѣтовалъ бы имъ поучиться этому искусству у нашихъ Дагестанцевъ. Говорилъ онъ еще кое что, о чемъ не хочу и говорить.

— Ненавистный и низкій Дагестанецъ, ты дорого заплатишь мнѣ за твою язвительную насмѣшку! вскричалъ съ бѣшенствомъ Тамерланъ, вскочивъ съ своего мѣста и топая отъ ярости въ полъ ногами. Смерть! смерть врагамъ моимъ! ревѣлъ онъ страшнымъ голосомъ, изрыгая тысячу проклятій и угрозъ для невинныхъ Темира и Земиры, которые ничего не знали о заговорѣ этихъ злодѣевъ, изыскивающихъ средства къ ихъ нагубѣ и заключенію, а можетъ быть и къ вѣчной разлукѣ.

— Потише, потише князь, вы выходите изъ себя, и напрасно такъ себя разстраиваете чрезвычайнымъ гнѣвомъ и угрозами

для тѣхъ, которые васъ ни мало не боятся, сказалъ съ насмѣшкою Гирамъ, покачиваясь на стулѣ, съ отягченною виномъ головою и неподвижными глазами. Темиръ находится въ безопасности, подъ щитомъ и покровомъ Земиры, за малѣйшее оскорбленіе которой тысячу мечей извлекутся для низверженія ея и Темировыхъ враговъ! Они всѣ обратятся на васъ, если вы осмѣлитесь посягнуть на жизнь милаго ей человѣка.

— Молчи, подлая тварь! вскричалъ въ азартѣ Тамерланъ, обнажая свой кинжалъ, или смерть твоя неизбѣжна!

Шакшибенъ, удерживая руку Тамерлана: стыдись, другъ мой, стыдись угрожать этому бѣдному творенію, невинно оскорбившему тебя словами, въ которыхъ нѣтъ ничего обиднаго, кромѣ одной правды; а притомъ ты самъ знаешь, сколько намъ полезенъ этотъ человѣкъ въ нашемъ умышленномъ и опасномъ предпріятіи!

Тамерланъ, нѣсколько успокоясь, все еще смотритъ на трепещущаго отъ страха Гирама сіяющими глазами.

— Князь! ты смотришь на меня, какъ рыкающій левъ, у котораго похитили дѣтенышей, и готовъ, кажется, растерзать меня! Если ты не перестанешь угрожать мнѣ своимъ кинжаломъ, то я съ этой минуты не хочу служить вамъ, и возьму сторону княж-

ны и Темира, которые меня ничѣмъ не оскорбили, а первая еще за заслуги мои меня наградила истинно съ княжескою деликатностію, въ которой сіяетъ высокое чувство души.

Тамерланъ, стараясь скрыть свою ненависть къ хитрому врачу, протягивая къ нему свою руку, сказалъ:

— Миръ! забудемъ прошедшее минутное съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе, и будемъ по прежнему друзьями! Садись, пожалуйста, и скажи намъ, отъ кого ты все говоренное теперь тобою слышалъ?

— Нѣтъ, я не могу открыть этой тайны никому, ибо отъ оной зависитъ моя и прочихъ людей пагуба, если кто нибудь откроетъ наши планы и намѣренія, отвѣчалъ Гирамъ, закрывая полусонные глаза.

— Ты спишь, Гирамъ? спросилъ у него Шакпшбенъ, трепля рукою по плечу. Проснись-ка, дружокъ, намъ надобно еще поговорить съ тобою!

Гирамъ, открывая глаза, сказалъ: уфъ, какъ вы меня перепугали.—Я сію минуту видѣлъ во снѣ, что меня спихнули въ глубокую пропасть, а васъ обезглавили!...

— Кто?

— Какой-то прелестный рыцарь въ сіяющихъ доспѣхахъ и съ кипариснымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Ты все мелешь чепуху! сказалъ, смѣясь, Шакшибенъ, можно ли въ одну минуту видѣть во снѣ столько явленій.

— Клянусь вамъ пророкомъ Магометомъ! вскричалъ Гирамъ, приложивъ руку къ своей груди. Уже это что нибудь да не даромъ, продолжалъ онъ, будьте осторожны, князья, я вамъ готовъ во всемъ служить, но въ случаѣ какой опасности спасите меня.

— Клянемся!—въ одинъ голосъ воскликнули Тамерланъ и Шакшибенъ, именемъ нашего пророка Магомета, быть до гроба твоими друзьями и защитниками!

— Въ ознаменованіе этой клятвы и вѣчнаго союза между нами, выпьемъ еще по кубку винца, сказалъ Тамерланъ, наполняя виномъ кубки. Ну, друзья, принимайтесь!

Всѣ разомъ опоражниваютъ кубки, становятъ ихъ вверхъ дномъ, и первый восклицаетъ:—такъ да падутъ ницъ враги наши! и мы надъ прахомъ ихъ провозгласимъ свою побѣду!

Отвратимъ свои взоры и отклонимъ слухъ отъ этихъ чудовищъ, умышляющихъ новыя злодѣянія, по совѣту безбожнаго и лукаваго врача, предателя своей благодѣтельницы, и посмотримъ съ вами, любезные читатели, что происходитъ въ станѣ Дагестанскихъ воиновъ.

Алей, вѣрный другъ князя Темира, жестоко раненый въ этомъ сраженіи, когда послѣдній

попался въ плѣнъ къ Кабардинцамъ какъ я уже въ первой части сего романа объяснилъ, найденный Дагестанцами между убитыхъ и раненыхъ непріятелей, принесенъ былъ въ станъ храбрыхъ дагестанцевъ безъ всякихъ чувствъ, едва дышащій, гдѣ приняты были искусными врачами самыя дѣятельныя мѣры перевязать его раны и прочихъ воиновъ, а такъ же и непріятельскихъ; изъ послѣднихъ два только были вылечены отъ ранъ, нѣсколько Дагестанцевъ, въ томъ числѣ и Алей, юноша съ отличными достоинствами, поборникъ славы Темира, коего не переставалъ оплакивать, полагая умершимъ отъ ранъ въ плѣну у Кабардинцевъ. Его вѣрный конь, отбившійся отъ непріятелей, когда плѣнили его господина, всюду рыская и ища его между убитыми и ранеными, по врожденному инстинкту, набрелъ на раненаго Алея и, остановясь подлѣ него съ поникшею головою, ржалъ и рылъ копытами землю, какъ бы спрашивая у умирающаго друга: гдѣ мой господинъ?

Дагестанцы, возвращающіеся изъ погони за Кабардинцами, увидѣвъ коня храбраго своего начальника, князя Темира, и полагая мысленно, не тутъ ли лежитъ раненый или убитый его хозяинъ, спѣшили на то мѣсто, перегоняя одинъ другого; но надежды ихъ обманули: вмѣсто его нашли они вѣрнаго

друга Алея, столько же почти любимаго и уважаемаго ими, какъ и Темиръ, и отнесли его едва дышащаго въ свой станъ.

Два излеченные отъ ранъ Кабардинца были двойнишные родные братья, по имени Салемъ и Солиманъ, въ юношескихъ еще лѣтахъ, высокаго роста, крѣпкаго сложенія и привлекательной наружности. Они имѣли мужественный и рѣшительный характеръ, соединенный съ чувствительною душою и добрымъ сердцемъ.

Алей, увидѣвъ ихъ, невольно почувствовалъ къ нимъ привязанность и сожалѣніе, когда они безъ всякаго ропота перенесли свой плѣнъ и другія непріятности, и съ кротостію повиновались приказаніямъ своихъ побѣдителей; онъ выпросилъ у начальника Дагестанцевъ этихъ двухъ Кабардинцевъ подъ свой надзоръ, увѣривъ начальника, что станетъ надзирать съ дѣятельностію за ними, чтобъ не могли учинить побѣга.

Просьба его была удовлетворена безъ всякаго препятствія, потому что Алей былъ всѣми любимъ и уважаемъ, какъ за его добродѣтели, такъ и за храбрость. Два эти плѣнника, съ которыми онъ кротко и ласково обращался и содержалъ въ изобиліи, прилѣпились къ нему всею душою и по малѣйшему его мановенію, или слову, наперерывъ

одинъ передъ другимъ спѣшили исполнять его желанія.

Въ одинъ день Алей, сидѣвъ среди покровительствуемыхъ имъ плѣнниковъ, послѣ обѣденнаго стола, который онъ вмѣстѣ съ ними безъ всякихъ чиновъ раздѣлялъ, предался грустной задумчивости объ утраченномъ своемъ другѣ Темирѣ, и слезы невольно полились на грудь его при тяжелыхъ вздохахъ, имъ повторяемыхъ. Увидѣвъ это, плѣнники переглянулись одинъ съ другимъ, также вздохнули и отерли слезы.

— О чемъ вы, мои милые, тоскуете? сказалъ Алей, замѣтивъ ихъ печаль. Кажется, вы не можете роптать, что здѣсь дурно или строго съ вами обращаются, исключая только одной вашей свободы.

— Напротивъ, мы здѣсь гораздо болѣе пользуемся выгодами общежитія, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, отвѣчалъ Салемъ, въ которомъ ничего не оставили, чтобы привлекало туда наши сердца.

— Такъ о чѣмъ же вамъ горевать?

— Мы бы могли сдѣлаться неблагодарнѣйшими изъ людей, если бы, видя твою печаль и слезы, оставались равнодушными зрителями прискорбія нашего благодѣтеля и болѣе чѣмъ отца. Что же касается до нашего плѣна, то это есть право войны, и Кабардинцы также захватываютъ вашихъ въ плѣнъ, но не столь

милостиво и кротко съ ними обращаются, какъ ты съ нами. Но скажи намъ, сдѣлай милость, нашъ добрый благодѣтель, что причиною твоей всегдашней печали, а часто и слезъ, тобою втайнѣ проливаемыхъ?

— Ахъ, друзья мои! кто можетъ утѣшить меня и успокоить въ утратѣ моего друга, котораго я лишился и, можетъ быть, на вѣки!... Онъ былъ прелестный юноша, храбрѣйшій воинъ нашего отечества, украшенный всѣми добродѣтелями, умомъ, чувствительнымъ сердцемъ и душою; онъ былъ товарищъ нашего дѣтства, душою общества, вѣрный въ исполненіи своихъ обѣщаній и обязанностей, однимъ словомъ, князь Темиръ Аксакъ, мой другъ, былъ достойнѣйшій изъ смертныхъ, которые обитаютъ на земномъ шарѣ.

— Князь Темиръ Аксакъ! воскликнулъ съ удивленіемъ Салемъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ Алей, не менѣе Салема удивленный его вопросомъ. Почему же ты его знаешь?

— Слава и имя твоего друга не только у васъ, но и въ нашемъ отечествѣ гремятъ повсемѣстно; но развѣ онъ умеръ или убитъ въ сраженіи?

— Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ничего утвердительнаго сказать тебѣ не могу; ибо, когда вы на насъ напали, онъ хотѣлъ захватить въ плѣнъ храбрѣйшаго и прекрас-

нѣйшаго изъ вашихъ воиновъ, витязя въ блѣстящихъ доспѣхахъ на бѣломъ конѣ, летающаго молніею въ рядахъ нашихъ ратниковъ, заставилъ сразиться его съ нимъ, котораго однимъ ударомъ меча своего обезо-

ружилъ; но когда увидѣлъ меня, упавшаго съ коня, то, оставя на свободѣ своего рыцаря, бросился съ отчаяніемъ въ толпу панцырниковъ и мстилъ за мнимую смерть мою; но пораженный многими ударами, говорятъ

нѣкоторые изъ нашихъ воиновъ, захваченъ вашими Кабардинцами въ плѣнъ, ибо его нигдѣ не нашли между убитыми и ранеными.

— О! такъ я теперь смѣло могу увѣрить тебя, что твой другъ въ плѣну у насъ, и находится въ живыхъ, сказалъ Салемъ.

Алей съ радостію:—почему ты такъ заключаешь?

— Потому, отвѣчалъ съ улыбкою Салемъ, что этотъ рыцарь на бѣломъ конѣ никто иной былъ какъ переодѣтая въ военную одежду наша прекрасная и владѣтельная княжна Земира, величайшая наѣздница и ратоборка, которой никто изъ самыхъ мужественныхъ и искусныхъ витязей нашего отечества не въ силахъ противустать и съ ней сразиться. Она-то захватила въ плѣнъ твоего друга, излѣчила отъ ранъ и держитъ у себя въ цвѣточныхъ оковахъ, потому что она давно горѣла желаніемъ видѣть столь славящагося Темира.

— Теперь какъ же намъ освободить его оттуда? спросилъ у Салема Алей.

— Позволь немного подумать! сказалъ первый и погрузился въ размышленіе.

Въ это время Алей, движимый страхомъ и надеждою, съ молчаніемъ смотрѣлъ въ лицо задумавшагося Салема, который, какъ будто отъ сна пробудившійся, воскликнулъ: почтеннѣйшій Алей! хочешь ли принять мое предложеніе и совѣтъ?

— Скажи мнѣ, какого они рода и въ чемъ заключаются?

— Въ томъ, что я буду твоимъ проводникомъ въ жилище нашей княжны Земиры, и проведу тебя такими путями, что ни одинъ человѣкъ насъ не замѣтитъ; а тамъ дѣлай самъ, что знаешь. Но чтобы ты не могъ сомнѣваться въ моей вѣрности и исполненіи тебѣ предлагаемаго, то я оставлю здѣсь аманатомъ или залогомъ своего брата Солимана, который для меня столько же драгоцѣненъ, какъ и собственная моя жизнь.

— Въ первомъ съ тобою согласенъ, любезный другъ Салемъ, отвѣчалъ съ радостію Алей, обнимая юношу; но второго не нужно дѣлать. Солиманъ также будетъ намъ сопутствовать, потому что оставлять его здѣсь не годится: будутъ его допрашивать о нашемъ отсутствіи и куда мы пошли и за чѣмъ именно; и онъ долженъ будетъ обнаружить нашу тайну по неволѣ, а чрезъ это мы можемъ получить препятствіе къ исполненію нашихъ намѣреній. Вѣдь я очень увѣренъ въ васъ, что вы и вдвоемъ не предадите меня въ руки вашихъ соотечественниковъ, и не измѣните моей къ вамъ довѣренности.

Салемъ и Солиманъ, обнимая Алея со слезами: можешь-ли ты сомнѣваться въ нашей честности и преданности къ тебѣ, когда ты

спасъ жизнь нашу! воскликнули въ одинъ голосъ юные Кабардинцы.

— Когда же мы отправимся въ путь? спросилъ у Алея Солиманъ.

— Нынѣшнею же ночью, отвѣчалъ первый. Медлить нечего; меня всѣ коротко знаютъ, и дадутъ намъ свободу продолжать путь. Теперь приготовимъ все въ дорогу и сохранимъ въ тайнѣ наше предпріятіе, а я между тѣмъ разузнаю, что намъ будетъ нужно.

Наконецъ наступила минута для отправленія въ путь Алея съ его провожатыми, и уже была полночь, когна они вышли изъ стана Дагестанцевъ. Луна въ полномъ своемъ величіи тихо текла по голубому своду небесъ, усѣянному алмазными звѣздами и серебрила долины и вершины ближнихъ горъ. Наши путешественники приближались къ цѣпи часовыхъ, коимъ Алей сказалъ отзывъ, прошелъ съ своими провожатыми и потомъ передовые посты, переговоривъ что-то тихо и по секрету съ ихъ начальниками, углубились въ густоту лѣса, пробираясь излучистыми въ немъ тропинками и шли безъ отдыха.

Наконецъ наши путешественники вышли изъ лѣса на пространную равнину.

Утренняя заря начала румянить восточное небо, и златые лучи дневнаго свѣтила, окаймивъ пурпуровыя облака, тихо поднимались изъ-за синяющихся горъ съ дымящимися

верхушками. Они поспѣшно перешли равнину и достигли горъ. Тамъ кроткія лани и рѣзвыя серны, съ быстротою пересѣкая имъ дорогу, скрывались въ ущельяхъ горъ и густыхъ кустарникахъ.

Салемъ, шедшій впередъ, которому каждая дорожка, каждый кустарникъ были извѣстны, ввелъ Алея съ своимъ братомъ въ одну пространную пещеру, находящуюся на половинѣ горы. Тамъ они сѣли вздохнуть и завтракомъ подкрѣпить свои силы.

— Ахъ, Алей! если ты увидишь нашу княжну Земиру, то ты будешь очарованъ ея красотою, ея добродѣтелями, ея умомъ и превосходнымъ сердцемъ, сказалъ Солиманъ.

— Первую я уже видѣлъ, а послѣднія докажутся ея содѣйствіемъ и желаніемъ доказать ихъ на самомъ дѣлѣ, когда она согласится пожертвовать любимымъ ея предметомъ для общаго благополучія, отвѣчалъ первый. Но скоро-ли мы дойдемъ до ея владѣнія?

— Если шибко будемъ идти, то чрезъ два дня будемъ тамъ, отвѣчалъ Салемъ, т. е. послѣ завтра къ ночи.

Оставимъ на нѣкоторое время нашихъ путешественниковъ продолжать путь чрезъ утѣсистыя горы, стремнины, глубокія пропасти и перескакивать чрезъ оныя съ легкостью серны, къ чему всѣ горные народы пріучены

съ малолѣтства и имѣютъ къ этому большія способности, и посмотримъ, чѣмъ въ это время занималась княжна Земира съ своимъ плѣнникомъ Темиромъ,

На другой день, рано поутру, послѣ вчерашняго происшествія, угрожавшаго опасностію Темиру отъ выстрѣла, сдѣланнаго по немъ изъ лѣсу, о которомъ, какъ равно и о томъ, кто былъ виновникомъ этого злого умысла, читатели мои видѣли уже въ началѣ этой второй части моего романа, Темиръ, въ сопровожденіи Ахмета, вооруженные тотъ и другой, спѣшили въ долину радости и наслажденій. Тамъ, полюбовавшись ея прекраснымъ мѣстоположеніемъ, Темиръ сѣлъ подъ тѣнистымъ деревомъ, на берегу кристальнаго ручья, и раздѣлилъ съ своимъ провожатымъ легкій завтракъ, который они съ собою принесли. Ароматическій запахъ цвѣтовъ, пѣніе птичекъ, журчаніе ручья и тихіе зефиры, едва колеблющіе листочками кустовъ, гдѣ томно ворковали кроткія горлицы, погрузили нашего героя въ сладостныя размышленія объ отечествѣ его, родителяхъ, сестрѣ и храброй своей дружинѣ, имъ оставленныхъ, наконецъ о той, которая занимала его душу.

— Князь! вы вѣрно опять стали скучать? сказалъ Ахметъ, весело улыбаясь, и вѣрно не воображаете, что мѣсто, на которомъ вы

теперь сидите, есть мѣсто избранное Земирою для ея отдохновенія?

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ съ восхищеніемъ Темиръ.

— Неужели я буду лгать передъ вами? Здѣсь она проводила нѣсколько часовъ каждый день послѣ звѣриной охоты и покоилась сладкимъ невозмущаемымъ сномъ: тогда сердце ея было спокойно и свободно, а теперь....

— А нынѣ? спросилъ поспѣшно Темиръ.

— Вотъ еще забавный вопросъ! отвѣчалъ съ улыбкою Ахметъ. Да не вы ли виною ея безпокойства и, можетъ быть, душевныхъ мученій?

— Ахметъ, неужели я такъ счастливъ, что княжна занимается мною?

— Кажется, въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія. Вы, я думаю, сами могли догадаться... (Слышенъ выстрѣлъ въ лѣсу).

Темиръ поспѣшно вскочивъ съ своего мѣста:

Вѣрно опять цѣлятъ по мнѣ!

— Не опасайтесь! вовсе не по васъ сдѣланъ этотъ выстрѣлъ, а по какому нибудь звѣрю. Не правда ли моя? Вонъ, смотрите, смотрите направо-то, къ густому кустарнику!..

И Темиръ увидѣлъ быстро бѣгущую изъ лѣса лань, и вслѣдъ за нею несущагося во весь галопъ всадника на бѣломъ конѣ, въ сіяющихъ отъ солнца доспѣхахъ, въ амазонской одеждѣ, въ шлемѣ съ бѣлыми перьями,

которыя развѣвались въ воздухѣ отъ быстроты бѣгуна.

У Темира сильно забилось сердце въ груди, когда онъ въ скачущемъ всадникѣ узналъ прелестную Земиру, изображенную на порт-

ретѣ золотаго сосуда, и не обманулся—это точно была она.

Земира, настигнувъ лань, пускаетъ въ нее мѣткое свое копье и повергаетъ кроткое животное на землю. Темиръ, давно уже имѣлъ

въ рукѣ своей винтовку, взятую у Ахмета, чтобъ въ случаѣ могъ онъ выстрѣлить по лани, какъ въ ту же минуту, разъяренный тигръ, выскочивъ изъ кустовъ, съ ужаснымъ ревомъ бросился къ Земирѣ, подшибъ подъ нею коня, упавшаго на землю, и обратилъ свои лютыя челюсти и когти на растерзаніе испуганной его нечаяннымъ появленіемъ красавицы. Темиръ затрепеталъ, увидѣвъ близкую опасность княжны; онъ въ минуту прикладывается винтовкою, спускаетъ курокъ; пуля, разрѣзывая воздухъ, съ шумомъ и свистомъ летитъ, и ужасный кровожадный звѣрь упадаетъ на землю, но вскакиваетъ опять на ноги; дѣлая страшные скачки и точа кровь свою по травѣ, гонится онъ за бѣгущею съ воплемъ Земирою и касается уже ея одежды. Темиръ стрѣлою летитъ на помощь своей возлюбленной и поспѣваетъ въ ту самую минуту, когда уже лютый тигръ впился своими когтями въ верхнюю одежду княжны. Темиръ булатною своею саблей поражаетъ звѣря столь сильно, что отдѣляетъ его голову отъ туловища, и тигръ падаетъ издыхающимъ у ногъ красавицы.

— Князь Темиръ Аксакъ! произноситъ трепещущимъ голосомъ Земира, и блѣдныя ея щеки отъ испуга близкой опасности покрылись розами.

Темиръ, упадая предъ нею на колѣни:

— Да это я, твой счастливый плѣнникъ, несравненная княжна! говоритъ Темиръ, робко взирая на прелестное лицо княжны.

— Чѣмъ я могу вознаградить тебя за твою услугу и спасеніе моей жизни? сказала она Темиру, опустивъ свои взоры къ землѣ.

— Я довольно уже, прекрасная княжна, награжденъ тобою, спасшею также мою жизнь отъ неминуемой смерти въ сраженіи. Если дозволишь мнѣ посвятить тебѣ оную, то я почту себя счастливѣйшимъ изъ людей.

— Съ сердечною признательностію, Темиръ, но прошу тебя оставить это унизительное положеніе; я не люблю, если человѣкъ, равнаго со мною достоинства и породы, такъ поступаетъ.

Протягиваетъ къ нему свою прекрасную руку, которую Темиръ въ восхищеніи осыпаетъ поцѣлуями.

— Мы теперь съ тобою поквитались, князь, ты спасъ мою, а я твою жизнь, и съ этой минуты сдѣлались съ тобою друзьями. Я не буду предъ тобою скрываться, что слава о твоихъ подвигахъ, достигшая до меня, была побудительною причиною вдаваться въ опасность сраженія единственно для того, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости разсказовъ о тебѣ нашихъ воиновъ. Въ первомъ сраженіи ты, не знавъ моего пола, такимъ пoпoдчивалъ меня ударомъ тво-

его меча, что еслибъ мой непроницаемый панцырь не сохранилъ меня, то я вѣрно бы не существовала болѣе уже на семъ свѣтѣ, или попалась бы къ тебѣ въ плѣнъ. Но во второмъ я была счастливѣе прежняго, и, когда ты, выбивъ мечъ изъ руки моей, захватилъ было меня въ плѣнъ, въ то время прискакавшіе наши панцырники отбили меня и поразили твоего товарища, упавшаго съ коня. Тогда ты съ отчаяніемъ бросился въ толпу моихъ панцырниковъ, произвелъ между ними страшное кровопролитіе; но самъ, жестоко раненый, едва могъ сидѣть на конѣ своемъ, который не далъ себя обуздать, и я, приказавъ пощадить жизнь твою, привезла сюда въ мое убѣжище и пеклась о твоемъ исцѣленіи, вовсе не воображая, чтобъ ты былъ теперешнимъ избавителемъ отъ смерти!

— Я благословляю десницу Всемогущаго Бога, даровавшаго мнѣ счастіе оказать тебѣ мое усердіе, любовь и услугу; но прости мнѣ, княжна, что въ столь драгоцѣнныя минуты радости слезы невольно текутъ изъ глазъ моихъ о потерѣ единственнаго друга, погибшаго подлѣ меня въ томъ сраженіи, котораго смерть наполняетъ мою душу мрачнымъ отчаяніемъ! Это былъ прекрасный и съ большими талантами юноша, единственный сынъ добродѣтельныхъ родителей и наслѣдникъ ихъ славы и богатства.

— Его звали Алеемъ? спросила княжна.

— Точно такъ, прелестная Земира! Но почему жъ вы это знаете?

— Изъ собственныхъ твоихъ жалобъ и словъ, которыя я подслушивала, отвѣчала съ улыбкою княжна. Теперь узнавъ мое къ тебѣ расположеніе, поспѣши отсюда удалиться въ свою комнату. Я не хочу, чтобъ мои родственники и подданные были свидѣтелями нашего свиданія и перваго здѣсь знакомства. Храни эту тайну, которая со временемъ откроется и вознаградится; послѣ поговоримъ со всею откровенностію о предметѣ важнѣйшемъ и занимательнѣйшимъ, могущемъ устроить общее наше счастіе! До свиданія, прощай; иди и пришли ко мнѣ своего Ахмета; я ему прикажу, что надобно будетъ исполнить.

Темиръ, поцѣловавъ у ней руку и устремивъ взоры на прелестное лицо княжны, съ тихою восхищенною душою спѣшилъ исполнить ея повелѣнія и удалился.

Земира, смотря въ слѣдъ Темира, часто на пути оборачивавшагося къ ней лицомъ, съ сильнымъ волненіемъ въ душѣ произнесла:

— Темиръ заслуживаетъ быть счастливымъ; только будетъ мнѣ жаль, если онъ не согласится на мое предложеніе и желанія. Тогда, не знаю, какая насъ ожидаетъ участь!

Опасность, которой подвергалась княжна, быть на охотѣ растерзанною отъ свирѣпости

лютаго звѣря, и о счастливомъ избавленіи ея отъ погибели и смерти проворствомъ и мужествомъ князя Темира, разнеслась повсюду и заставила многихъ завидовать счастію юнаго князя, который былъ упоенъ восторгомъ, испытавъ къ себѣ любовь прекрасной Земиры.

Съ того дня не проходило ни одного дня, чтобы наши любовники не повидались въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ отъ жилища, и не изливали нѣжныхъ чувствъ любви другъ другу. Но хотя Земира и имѣла неограниченную власть надъ сердцемъ Темира, однако-жъ никакъ не могла согласить его съ своимъ предложеніемъ и желаніемъ остаться въ ихъ землѣ.

— Хотя я и за неоцѣненное себѣ поставляю счастіе принадлежать тебѣ на вѣки, прелестная княжна, дышать однимъ съ тобою воздухомъ и во всякомъ случаѣ принести тебѣ въ жертву мою жизнь и послѣднюю каплю крови, говорилъ ей Темиръ со всею откровенностію, но сдѣлаться измѣнникомъ своего отечества, заслужить проклятіе моихъ родителей, оставить ихъ, при старости лѣтъ, и сестру безъ опоры и утѣшенія, какъ единственнаго ихъ сына, никакъ не могу. Ты же, Земира, имѣя полную власть въ своихъ желаніяхъ и одну только тетку, скорѣе

можешь послѣдовать за твоимъ другомъ въ его отечество.

Однакожъ никто изъ нихъ не могъ похвалиться одинъ надъ другимъ побѣдою: Земира не хотѣла отпустить въ свое отечество Темира и съ нимъ туда отправиться, а этотъ не соглашался быть отступникомъ отъ своей должности и предателемъ своего отечества.

Въ одну ночь, когда всѣ покоились глубокимъ сномъ въ жилищѣ Земиры, тихій стукъ у дверей комнаты, въ которой жилъ Темиръ съ Ахметомъ пробудилъ ихъ обоихъ отъ сна.

— Ахметъ! засвѣти огня и спроси, кто у насъ стучится въ такое время, сказалъ Темиръ, и вставъ съ своей постели, приготовилъ на всякій случай заряженные пистолеты.

— Это что нибудь не даромъ, шепнулъ на ухо Ахметъ Темиру, засвѣтивъ огня.

— Отпирать ли дверь?

— На что-жъ медлить? Намъ опасаться нечого, отопри!

Стукъ въ дверь повторяется. Ахметъ подходитъ къ дверямъ и спрашиваетъ: кто стучится въ такое позднее время?

— Отворяй скорѣе дверь, отвѣчалъ мужской голосъ, время дорого. Пожалуйста, не медли!

Ахметъ отперъ двери и, увидѣвъ трехъ

вооруженныхъ, вошедшихъ въ комнату, со страхомъ вскрикнулъ:

— Измѣна!

— Не шуми, молодой человѣкъ! сказалъ тотъ же голосъ, мы не враги ваши, а друзья. Приближается къ Темиру, пораженному знакомымъ ему голосомъ, который стоялъ неподвижно и смотрѣлъ пристально на незнакомцевъ.

— Берегитесь, князь! вскричалъ Ахметъ Темиру и уставилъ дуло своей винтовки къ груди того, который стоялъ противъ Темира. Одно умышленное зло.... и я спущу курокъ, сказалъ Ахметъ.

— На безпокойся! сказалъ незнакомецъ последнему, подымая забрало шлема. Князь Темиръ Аксакъ! ждалъ-ли ты меня?

— Алей! воскликнулъ въ величайшей радости Темиръ.

— Алей! повторилъ въ восхищеніи Ахметъ, опуская свою винтовку.

— Ахметъ! отозвались другіе два незнакомца, также поднявъ у своихъ шлемовъ забрала.

— Салемъ! Солиманъ! восклицаетъ первый, обнимая своихъ прежнихъ товарищей.

Въ это время Темиръ съ Алеемъ лежали другъ у друга въ объятіяхъ и проливали радостныя слезы.

— Какими судьбами, любезный Алей, я

опять тебя вижу, когда уже почиталъ тебя на вѣкъ для меня погибшимъ въ томъ сраженіи? сказалъ Темиръ своему другу.

— Я точно былъ при дверяхъ гроба и непремѣнно бы лишился жизни, еслибъ твой добрый конь, стоявшій надо мною, не привлекъ ко мнѣ Дагестанцевъ, отвѣчалъ послѣдній; но какимъ случаемъ ты самъ сюда попался?

— Благодареніе Богу, что онъ доставилъ еще разъ увидѣться намъ въ этой жизни, сказалъ Темиръ, обнимая своего друга. Ахъ, Алей! сколько я пролилъ слезъ о мнимой твоей смерти, не взирая на всѣ удовольствія и попеченія, мнѣ здѣсь доставляемыя къ наслажденію души и сердца!

— Понимаю! возразилъ съ улыбкою Алей, теперь вѣрно оно уже не свободно? Княжна Земира два раза захватила тебя въ плѣнъ?

— Почему ты узналъ ея имя?

Алей, показывая на Салема и Солимана:

— Вотъ они, эти предобрѣйшіе юноши, и притомъ два брата близнецы. Они въ одномъ съ нами сраженіи были опасно ранены, но излечены искусствомъ нашихъ врачей; послѣ этого я увидѣлъ выразительныя черты ихъ лица и они понравились мнѣ; я ихъ выпросилъ себѣ и не ошибся въ своемъ мнѣніи и замѣчаніяхъ: — они ихъ въ

полномъ смыслѣ оправдали своею ко мнѣ любовію, усердіемъ и признательностію. Имъ-то мы оба съ тобою обязаны, что здѣсь видимся. Они предложили мнѣ свои услуги быть моими проводниками, увѣривъ, что ты живъ и навѣрное находишься здѣсь въ плѣну и въ домѣ княжны Земиры, и я, для спасенія твоего рѣшился на сей опасный путь и благополучно достигъ до очаровательнаго жилища волшебницы, содержащей въ цвѣточныхъ оковахъ храбраго и славнаго витязя, князя Темира Аксака.

Въ продолженіе разговора соединившихся друзей, Салемъ и братъ его, предупрежденные Ахметомъ о великодушныхъ съ нимъ поступкахъ и привязанности къ нему Темира, не сводили глазъ своихъ съ нашего героя, любуясь прелестнымъ его видомъ, что замѣтивъ, послѣдній, съ ласкою имъ сказалъ:

— Добрые юноши! подойдите сюда и позвольте мнѣ имѣть удовольствіе васъ обнять и поблагодарить за оказанныя услуги мнѣ и моему другу.

Салемъ съ братомъ обнимаютъ Темира и цѣлуютъ его въ плечо.

Темиръ съ чувствомъ:

— Я вѣчно не забуду ихъ и постараюсь васъ за оныя вознаградить.

— Мы уже давно награждены твоимъ другомъ, и никакой награды больше не желаемъ,

какъ быть всегда при васъ и посвятить вамъ жизнь нашу, отвѣчалъ Салемъ.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, и мы никогда съ вами не разлучимся, принявъ васъ, какъ сиротъ, въ наши семейства, сказалъ Алей, пожимая руки у обоихъ братьевъ. И въ самомъ дѣлѣ, любезный Темиръ, прибавилъ послѣдній, эти два юные Кабардинца посланы къ намъ самимъ небомъ: безъ нихъ мы, можетъ быть, никогда бы съ тобою не видѣлись. Они бѣдные здѣсь сироты, безъ крова родныхъ, которыхъ имъ замѣняла благодѣтельная княжна Земира, принявъ подъ свое покровительство и помѣстивъ ихъ въ число своихъ тѣлохранителей; они желаютъ отправиться съ нами въ наше отечество.

— Это бы для насъ было очень полезно, сказалъ Темиръ; но не знаю, вырвусь ли самъ изъ этой золотой клѣтки.

— Развѣ только самъ не пожелаешь своей свободы, чтобъ летѣть въ свое отечество, въ объятія родителей и сестры; а то кто можетъ удержать тебя здѣсь? возразилъ Алей, смотря пристально на своего друга.

— Ахъ, Алей, не вини своего друга! душа моя летитъ туда, но сердце обитаетъ здѣсь. О! если ты увидишь близко ту, которую я обожаю и которая была спасительницею моей жизни, то невольно почувствуешь къ ней удивленіе и вмѣстѣ почтеніе!

— Я всему этому вѣрю, а также и тому, что ты теперь сталъ невольникомъ своихъ чувствъ и желаній, забываешь долгъ священной природы и, утопая въ рѣкѣ наслажденія и любви, не хочешь выплыть на берегъ спасенія.

— Алей! прошу тебя пощади твоего друга и ожидай всего отъ моей рѣшительности.... Эй, Ахметъ! нѣтъ ли у насъ чѣмъ угостить неожиданныхъ и дорогихъ посѣтителей и друзей? спросилъ Темиръ.

— Хотя для двадцати человѣкъ, и то всего будетъ въ избыткѣ, отвѣчалъ Ахметъ.

Черезъ минуту столъ предъ нашими друзьями установленъ былъ разнымъ кушаньемъ и плодами. Прекрасное вино развеселило нашихъ друзей, а также и двухъ юныхъ Кабардинцевъ, угощаемыхъ въ другомъ углѣ комнаты Ахметомъ. Стали въ рѣчахъ появляться веселыя шуточки, разные разсказы, вопросы и отвѣты о томъ и другомъ, что всегда бываетъ въ бесѣдѣ пирующихъ друзей, бывшихъ долго въ разлукѣ.

Во время стола, Алей часто всматривался въ портретъ на золотомъ сосудѣ, стоявшемъ предъ ними съ благовоннымъ напиткомъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ онъ у Темира, чье лицо представляетъ это неподражаемое искусство живописи.

— Княжны Земиры, отвѣчалъ съ улыбкою послѣдній.

— Неужели она такъ прекрасна?

— Оригиналъ гораздо лучше копіи; ты самъ увидишь ее своими глазами, и согласишься со мною.

— Если это только правда, сказалъ съ усмѣшкою Алей, то я могу смѣло признаться, что еще въ жизнь мою такой красоты нигдѣ не встрѣчалъ, и потому нечему дивиться, что герой, пожинающій лавры на поляхъ брани, усыпленный на цвѣтахъ любви, забылъ о гремящей славѣ своихъ подвиговъ, и прикованный цвѣточно юцѣнью къ колесницѣ своей побѣдительницы, влечется за нею съ преклоненною головою и умоляетъ ее бросить на него хотя одинъ милый взоръ!

— Смѣйся, смѣйся, Алей, надо мною теперь, а послѣ моя придетъ очередь платить тебѣ тою же монетою. Вѣрно ты забылъ о той рѣзвушкѣ, летавшей мотылькомъ на крыльяхъ зефира, съ розовыми ланитами, алыми устами, черными и огненными очами, которыхъ лучи чуть ли не зажгли сердце насмѣшника въ странахъ Дагестана? Ась? ну, что ты на это будешь мнѣ отвѣчать, г. зубоскалъ? спросилъ у Алея Темиръ.

— Да что-жъ тутъ возражать? сказалъ Алей, пожимая руку у своего друга, что правда, то правда, что я влюбленъ въ нее до безко-

нечности, въ милую, прелестную твою сестру, и ты знаешь, какое положено между нами завѣщаніе.

— Я его очень помню и не измѣню ему; а ты впредь будь снисходительнѣе къ слабостямъ другихъ и не упрекай тѣмъ порокомъ, которому самъ подверженъ.

Остальные часы ночи быстро промчались въ разговорахъ друзей, разсказывавшихъ одинъ другому свои приключенія послѣ ихъ разлуки и тѣхъ мѣрахъ, какія они должны предпринять для возвращенія ихъ въ отечество. Между тѣмъ Ахметъ съ Салемомъ и его братомъ, первый отъ удовольствія, что его любезный князь опять обрѣлъ своего друга, а послѣдніе отъ усталости труднаго пути, преспокойно спали.

Востокъ уже позлатился лучезарнымъ солнцемъ, какъ наши оба друга, Темиръ и Алей, окончили свою бесѣду, не смежая сномъ своимъ рѣсницъ отъ восхищенія, наполнявшаго ихъ души и сердца. Первый облекся въ богатую одежду, подаренную ему Земирою. Платье это очень къ нему пристало, обхватывая его стройный станъ. Онъ опоясалъ его дорогимъ кушакомъ и заткнулъ за него прекрасный кинжалъ, осыпанный въ рукояткѣ и по ножнамъ драгоцѣнными каменьями. Алей, любуясь своимъ другомъ, ска-

залъ ему съ улыбкою: и вѣрно все это есть подарки любви?

Темиръ кивнулъ головою и, подошедъ къ Ахмету, разбудилъ его.

— Пора вставать, сказалъ онъ: вѣрно уже княжна оставила свое ложе; сходи къ ней, спроси объ ея здоровьѣ и о дозволеніи мнѣ съ нею видѣться наединѣ и переговорить о весьма важномъ дѣлѣ.

Черезъ четверть часа Ахметъ возвратился и донесъ Темиру, что княжна на его просьбу и желаніе согласна и приказала, чтобъ онъ пришелъ въ самую отдаленную часть сада, гдѣ есть бесѣдка, въ которой она будетъ ожидать.

— Знаетъ ли княжна о прибытіи сюда Алея съ его провожатыми?

— Знаетъ.

— Кто-жъ ее объ этомъ увѣдомилъ?

— Я.

— Для чего прежде времени?

— Для того, чтобъ она предприняла надежныя мѣры для общей всѣхъ безопасности.

— Это благоразумно.

— Какъ она приняла твое извѣстіе о приходѣ сюда моего друга?

— Сначала съ большою радостію, а потомъ я замѣтилъ въ прекрасныхъ ея глазахъ слезы, которыя она старалась скрыть.

Темиръ, выслушавъ послѣднія слова Ахмета, погрузился въ минутную задумчивость, отеръ съ глазъ своихъ слезу и сказалъ Алею, пожимая его руку:

— До свиданія, прощай!

Ушелъ съ обѣщаніемъ скоро возвратиться и обо всемъ его увѣдомить.

— Ступай съ Богомъ! сказалъ ему вслѣдъ Алей и, занятый разными мыслями, сѣлъ у раствореннаго окна.

Я не стану здѣсь объяснять въ подробности продолжительнаго разговора Темира съ Земирою, а скажу только то, что со стороны одного—убѣдительныя просьбы и представленія, съ другой—препятствія, опасность, отчаяніе, вздохи, слезы, жалобы и заклинанія рѣшились наконецъ въ пользу перваго. Земира дозволила своему возлюбленному отправиться въ свое отечество съ тѣмъ, что если ему не возможно будетъ вскорѣ возвратиться къ ней, по какимъ-нибудь важнымъ причинамъ, то чтобъ какъ можно поспѣшнѣе ее о томъ увѣдомилъ. Тогда она приметъ другія мѣры для ихъ соединенія, въ чемъ, какъ и въ вѣчной любви, давъ клятву, приказала ему представить предъ себя Алея съ двумя его провожатыми и провести ихъ тою же потаенною дорогою, по какой онъ къ ней пришелъ.

Оставивъ успокоенную княжну Земиру,

FILMED AS BOUND

Темиръ спѣшилъ обрадовать своего друга благопріятнымъ извѣстіемъ и чрезъ нѣсколько минутъ представилъ его съ двумя юными Кабардинцами предъ взоры княжны Земиры, которая, плѣнясь его пріятною наружностію, осанкою и открытомъ лицомъ, приняла его очень ласково и попросила сѣсть. Поговоривъ съ нимъ на счетъ прибытія его въ ея владѣнія и о просьбѣ неблагодарнаго, какъ она назвала Темира, и усмотрѣвъ его дѣятельный умъ и доброту душевную въ сужденіяхъ и отвѣтахъ на всѣ ея вопросы, очень ласково съ нимъ обошлась; потомъ обратилась къ Салему и Солиману и, грозя имъ пальцемъ, сказала: измѣнники! такъ-то вы исполнили клятву быть мнѣ вѣрными?

Салемъ съ братомъ, становясь предъ нею на колѣни:

— Княжна, мы вѣрно тебѣ служили, но сами попались въ плѣнъ, жестоко раненые въ сраженіи, и если-бъ не этотъ почтенный человѣкъ (указывая на Алея) спасъ насъ отъ смерти, то мы не имѣли бы счастія тебя видѣть, сказалъ Салемъ, утирая свои слезы.

— Встаньте, я васъ прощаю! промолвила съ улыбкой княжна: право войны неотъемлемо, здѣсь между нами есть и поважнѣе васъ плѣнникъ, но и тотъ съ терпѣніемъ переноситъ свою участь.—А такъ какъ вы сироты, воспитанные покойными родите-

лями, вмѣстѣ взросли со мною, потомъ помѣщенные уже мною въ числѣ моихъ тѣлохранителей, вѣрно мнѣ всегда служили, то, въ вознагражденіе того снисходя вашему желанію и просьбѣ князя Темира, дѣлаю васъ свободными и дозволяю слѣдовать за нимъ и его другомъ Алеемъ въ ихъ отечество, гдѣ они будутъ уже пещись о вашемъ счастіи.—Будьте имъ также вѣрны и преданы, какъ мнѣ. — Вотъ вамъ за ваши услуги послѣдняя отъ меня награда! подаетъ имъ съ золотомъ кошелекъ.

— Мы будемъ о тебѣ и день и ночь молиться, какъ равно и о твоихъ покойныхъ родителяхъ, а нашихъ благодѣтеляхъ! сказали въ одинъ голосъ чувствительные юноши и облобызали ея руки.

Земира, обративъ слезами наполненные взоры на Темира, сидѣвшаго подлѣ нея въ грустномъ размышленіи, спросила: когда же вы полагаете отправитьс въ намѣченный вами путь?

— Въ эту ночь, отвѣчалъ съ томнымъ вздохомъ Темиръ.

— Въ эту ночь! воскликнула съ прискорбіемъ Земира. Это ужъ слишкомъ поспѣшно! Ахъ! видно, Темиръ скучаетъ оставаться хотя крат-

кое время со мною! Бѣдная, несчастная Земира!... (отираетъ свои слезы).

— Мнѣ скучать съ тобою! съ тобою, нѣжно любимая мною Земира!—О! не оскорбляй души моей такою несправедливостію и подозрѣніемъ!—Требуй сію минуту моей крови! моей жизни,—я съ радостію принесу ихъ тебѣ въ жертву, сказалъ разстроганный до глубины сердца Темиръ.

— Почему же не завтра, не послѣ-завтра отправиться вамъ въ дорогу, только бы не нынѣшнюю ночь?... Темиръ, ты знаешь, как я люблю тебя?—Ты знаешь, какъ мнѣ доро- го будетъ стоить моя разлука съ тобою.

И слезы невольно полились по блѣднымъ ея щекамъ отъ сильнаго душевнаго волненія.

Темиръ беретъ ее за руку и со слезами говоритъ: успокойся, Бога ради, успокойся, милая, прелестная Земира.—Заключи горесть въ душѣ твоей и вооружись мужествомъ къ перенесенію краткой нашей разлуки! Я далъ тебѣ клятву сюда возвратиться и исполню оную.

— Можетъ быть, тогда, когда не будетъ на свѣтѣ несчастной Земиры!...

— Оставьте эту пагубную мысль, прекрасная княжна, сказалъ ей растроганный Алей

и питайтесь надеждою скораго соединенія вашего съ Темиромъ. Я вамъ ручаюсь за его честь и вѣчную клятву, которую онъ вамъ далъ, и самъ клянусь вамъ, что вскорѣ приведу его въ ваши объятія, какъ будущаго вашего супруга. Его сердце было всегда свободно отъ любви, и вы первая, которая заставила его промѣнять славу на эту нѣжную страсть.

Земира, нѣсколько успокоившись отъ увѣщаній Алея:

— Я вѣрю ему и вамъ, и вашимъ клятвамъ, сказала она, и не стану болѣе препятствовать вашему отъѣзду; но если онъ замедлитъ возвращеніемъ, или измѣнитъ мнѣ, то клянусь повсюду искать его и умереть предъ его глазами.

Темиръ повторяетъ съ своей стороны клятву быть ей вѣчно вѣрнымъ и Земира продолжаетъ:

— Доведено до свѣдѣнія моего чрезъ преданныхъ мнѣ людей, что дѣлается заговоръ между злодѣями къ погубленію меня и Темира; но какъ враги наши не могутъ противъ меня дѣйствовать открытою силою, то разставляютъ коварныя сѣти и дѣлаютъ планы, чтобъ мы могли въ оныхъ запутаться и попасть въ

ихъ кровожадныя руки, привыкшія уже къ злодѣйствамъ и убійствамъ. Эти враги и злодѣи наши—князья Тамерланъ и Шакшибенъ, коимъ я отказала въ рукѣ моей, и съ того времени вооружила ихъ противъ себя; они, какъ лютыя змѣи, ищутъ пролить свой смертоносный ядъ для нашей пагубы!—Теперь Темиръ сдѣлался для нихъ ненавистнымъ врагомъ, и первое покушеніе лишить его жизни имъ не удалось; потому что Высочайшее Существо защитило его отъ злодѣйскаго умысла убійцы, хотѣвшаго застрѣлить Темира.—И потому, какъ можно будьте осторожнѣе, чтобъ избѣгнуть преслѣдованія этихъ сговорившихся злодѣевъ. Я сама трепещу за васъ и опасаюсь, чтобъ они не открыли какимъ нибудь образомъ вашего намѣренія.

— На этотъ предметъ будьте спокойны, княжна, сказалъ Салемъ: я изберу такую дорогу для насъ, о которой враги не имѣютъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, развѣ только будутъ предупреждены отъ своихъ шпіоновъ:

— А въ случаѣ ихъ нападенія на насъ, сказалъ съ пылающимъ взоромъ Темиръ, сабли наши довольно остры, а руки сильны, чтобы наказать нашихъ злодѣевъ и заставить ихъ замолчать и оставить насъ въ покоѣ.

— Однако же не мѣшаетъ быть осторожны-

ми, просовокупила княжна; враги довольно хитры и могущественны, у нихъ также много подданныхъ, готовыхъ слѣпо имъ повиноваться.

— Возложимъ наши надежды и упованіе на Бога, Онъ не оставитъ и сохранитъ насъ подъ щитомъ Своимъ, сказалъ Темиръ Земирѣ, цѣлуя ея руку.

— Останьтесь здѣсь, а я пойду что нибудь изготовить для вашего угощенія и дороги, сказала Земира и поспѣшно удалилась.

По прошествіи двухъ часовъ она возвратилась опять въ бесѣдку съ Ахметомъ и Ратмидою, любимою своею невольницею, которые несли за нею большія корзинки, чѣмъто наполненныя. Накрыли столъ и установили оный разными кушаньями, плодами и другими лакомствами: усѣвшіеся около него наши друзья выпили по кубку вина за здоровье Земиры. Пиръ продолжался нѣсколько часовъ, а забавные разговоры Алея развеселили княжну.

Наконецъ вечеръ невидимо примчался на своихъ легкихъ крыльяхъ и блистающее солнце, послѣдними своими лучами позлативъ вершины высокихъ горъ, сокрылось за оными.

Темиръ и Земира, погруженные въ мрачное уныніе, въ молчаніи передавались одними

взорами, на рѣсницахъ которыхъ блистали слезы, готовыя пролиться ручьями. Вздохи, тщетно скрываемые ими въ груди, невольно вырывались и заставляли прочихъ въ горести ихъ принимать нѣжное участіе и также проливать слезы. Вотъ уже и ночь опустила на землю черное свое покрывало, и все живущее въ природѣ, кромѣ нашихъ друзей, предалось успокоенію. Одни только черные враны и филины пронзительными своими и заунывными криками нарушали безмолвіе ночи.

Алей, смотря съ горестію на своего друга, обнявшаго одною рукою нѣжную свою подругу, приклонившую главу на плечо Темира, напомнилъ послѣднему, что наступило время отправиться имъ въ путь. Эти слова, какъ электрическій огонь, заставили вздрогнуть Темира и Земиру, вскочившихъ съ мѣстъ своихъ и бросившихся другъ другу въ объятія; послѣдній поцѣлуй, съ торжественною клятвою вѣчной любви и вѣрности, заключилъ ихъ прощаніе. Всѣ друзья наши возвратились въ комнату Темира; тамъ Земира вручила первому отличной доброты панцырь и прочее оружіе, надѣла на его шею миніатюрный свой портретъ, оправленный въ золото и осыпанный драгоцѣнными камнями,

на золотой же цѣпочкѣ, золотой сосудъ, столько содѣйствовавшій Темиру узнать ее, полный кошелекъ съ червонцами, и перемѣнялась съ нимъ кольцами. Алей съ Салемомъ и Соли-

маномъ также были ею щедро награждены и прошены хранить жизнь ея возлюбленнаго въ пути отъ коварныхъ и скрытыхъ враговъ, въ чемъ и получила отъ нихъ клятву.

Между тѣтъ Темиръ облекся въ блестящій панцырь, опоясался своимъ мечомъ, прикрывъ голову позлащеннымъ шлемомъ, осѣненнымъ страусовыми перьями; чрезъ плечо его надѣта была богатая перевязь, вышитая руками Земиры съ ея именемъ; равно и Алей съ Салемомъ и его братомъ тоже получили панцыри и отличное оружіе.—Четыре прекрасные осѣдланные коня ожидали своихъ всадниковъ, въ тайномъ мѣстѣ постановленные. Земира съ Рамидой и Ахметомъ проводила своего возлюбленнаго до того мѣста, откуда они должны были отправиться въ путь. Тамъ обнявъ друзей и сказавъ послѣднее „прости!“,—сѣли на коней своихъ и отправились въ дорогу.

Несчастная Земира, горестію сраженная, стояла подобно окаменѣлой статуѣ, устремивъ неподвижные свои взоры на удаляющагося друга, который каждую минуту обращалъ свои взоры на оставленную подругу, посылая къ ней томные вздохи. Наконецъ лѣсъ, чрезъ который лежала дорога, скрылъ отъ взоровъ другъ друга, и Земира, возвратясь въ свою комнату, упала почти лишенная чувствъ на постелю, произнося тяжкія стенанія, и послѣ повергласъ въ усыпленіе; но разстроенныя чувства, тяготившія ея душу, представляя

ей разные ужасные призраки, вынуждали ее вскакивать съ своего ложа, обращать повсюду дикіе взоры, и потомъ заставляли опять чувствовать утрату друга, столь тягостную для ея нѣжнаго сердца.

Вѣрная ей Рамида, дѣвушка съ прелестною наружностію и добрымъ сердцемъ, любившая свою княжну всею душею, умоляла ее успокоиться, стараясь ей внушить сладкія надежды на будущее счастіе и соединеніе съ ея отсутствующимъ другомъ.

Въ самую глухую полночь, громкій стукъ у дверей комнаты княжны, заставилъ ее придти въ разсудокъ; но какое то пагубное предчувствіе произвело трепетъ во всѣхъ ея членахъ. Она приказала Рамидѣ отворить дверь и узнать, кто въ такое необыкновенное время осмѣливается ее безпокоить? Дверь отворилась,—и въ ту же минуту, съ ужасомъ, изобразившимся на лицѣ, Ахметъ вбѣжалъ въ ея комнату и трепещущимъ голосомъ сказалъ: ахъ, княжна, спѣшите, спѣшите скорѣй для спасенія жизни несчастнаго князя Темира, или онъ погибнетъ невозвратно.

— Кто? отъ кого?—спросила устрашенная княжна у Ахмета.

— Боже мой! я вамъ уже донесъ, что князь

Темиръ Аксакъ находится въ величайшей опасности, ибо его и ваши враги, узнавъ объ его отбытіи и по какой дорогѣ онъ отправился въ путь, собравъ многочисленную толпу своихъ воиновъ, поскакали стремительно преслѣдовать вашего друга, который безъ сомнѣнія сдѣлается жертвою ихъ безчеловѣчія.

Эти слова, произнесенныя трогательнымъ голосомъ Ахмета, какъ громомъ поразили несчастную княжну; но опасность, въ которой находился ея возлюбленный, въ минуту оживила ея мужество, и она, трепеща отъ страха и мщенія, приказала Ахмету скорѣе бѣжать, и чтобъ въ минуту 20 человѣкъ самыхъ лучшихъ панцырниковъ спѣшили къ ней въ полномъ вооруженіи явиться на коняхъ.

Въ одну минуту приказаніе обожаемой княжны было исполнено, и храбрая дружина отборнѣйшихъ Кабардинцевъ предстала ея взорамъ.

Земира въ полномъ вооруженіи, какъ богиня войны, вышедъ имъ на встрѣчу и объяснивъ настоящую причину своего приказанія, просила ихъ доказать свое усердіе и вѣрность къ изъятію изъ рукъ убійцъ несчастнаго Темира. Получивъ ихъ клятву не щадить для нея своей

жизни, взлетѣла птицею на своего коня—и помчалась вихремъ по той дорогѣ, о которой ее прежде предувѣдомилъ Темиръ; панцырники послѣдовали за нею.

За быстрымъ конемъ Земиры ратники ея едва могли поспѣвать, когда она каждую минуту поощряла къ быстрому бѣгу коня своего, находясь сама въ самомъ отчаянномъ положеніи. Они уже миновали горы, отдѣляющія ихъ отечество отъ другихъ земель, проскакали пространныя равнины и въѣхали въ густой лѣсъ.

Другой день клонился къ вечеру, когда они услышали не въ далекомъ разстояніи многіе выстрѣлы и крики сражающихся.

— Это что нибудь не даромъ!—воскликнула княжна, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Вѣрно злодѣи, преслѣдовавшіе несчастнаго Темира съ его спутниками, на него напали. Друзья, впередъ! за мною! поспѣшимъ на помощь къ несчастнымъ, или погибель ихъ совершится! Она дала шпоры своему коню и вихремъ помчалась къ тому мѣсту, гдѣ были слышны выстрѣлы и крики, которые при приближеніи ихъ вовсе умолкли.

— Увы! Темиръ и товарищи его погибли!... вскричала въ отчаяніи княжна и опустила

поводья на шею коня своего, какъ будто нарочно остановившагося, чтобы внимали ея жалобамъ.

Въ ту-же самую минуту Земира и ея воины увидали вдали пыль, столбомъ поднявшуюся въ воздухѣ отъ скачущихъ конныхъ всадниковъ.

— Это враги и убійцы злополучнаго Темира! съ воплемъ воскликнула княжна: они совершили свой адскій планъ, и несчастные погибли невозвратно!—Но клянусь, что они заплатятъ мнѣ своими головами за смерть моего друга.

— Княжна, надобно поспѣшить на мѣсто сраженія, сказалъ одинъ изъ старшихъ ея воиновъ. Можетъ быть, мы еще будемъ полезны Темиру, если онъ только не убитъ, а раненъ.

Эти краткія слова влили лучъ сладкой надежды въ сердце несчастой княжны и покрыли румянцемъ блѣдныя ея ланиты. Она подобрала поводья у коня своего и быстро туда помчалась; провожатые послѣдовали за нею.

Выѣхали изъ лѣса на большую лужайку. Вдругъ плачевное зрѣлище представилось ихъ

взорамъ. Несчастный Темиръ, пораженный многими ударами мечей отъ убійцъ своихъ, плавалъ въ крови своей при послѣднемъ дыханіи. Салемъ убитый лежалъ подлѣ него; изъ ранъ Алея, стоявшаго на колѣняхъ подлѣ умирающаго своего друга, струилась кровь ручьями; Солиманъ также былъ жестоко раненъ, но еще стоялъ на ногахъ. Нѣсколько человѣкъ изъ шайки убійцъ, пораженные мечами Темира и его спутниковъ, одни лежали мертвые, другіе произносили жалобные вопли и стенанія, прося предать ихъ смерти.

— Княжна! воскликнулъ жалобнымъ голосомъ и съ рыданіемъ Алей, увидѣвъ соскочившую съ коня свою Земиру, мы лишились съ тобою общаго нашего друга Темира.— Злодѣи и убійцы совершили счастливо свое адское намѣреніе и поразили его смертоносными ударами.

— Онъ умеръ! вскричала въ отчаяніи Земира... и безъ чувствъ упала на грудь умирающаго своего друга; но приведенная въ память искусствомъ своего воина, который прежде съ нею говорилъ, съ рыданіемъ воскликнула: Темиръ, милый мой Темиръ! проснись отъ смертнаго сна своего на плачевный гласъ твоей нѣжной и несчастной подруги! Открой столь прелестные прежде

твои взоры и послѣдній разъ взгляни на твою злополучную Земиру.

Нѣжный и трогательный призывъ ея проникъ въ слухъ и сердце умирающаго Темира: онъ съ величайшимъ усиліемъ открылъ глаза свои, въ которыхъ уже изображался признакъ близкой смерти, обратилъ ихъ на рыдающую Земиру, и послѣдняя выкатившаяся слеза затрепетала на его смежающихся рѣсницахъ, и тихимъ, прерывающимся голосомъ произнесъ: прости, милая Земира!.. Я умираю!. Мои убійцы разлучили насъ на вѣки... Отмсти имъ невинную мою смерть!. Прости, неоцѣненная! я беру съ собою въ могилу твою ко мнѣ любовь.. Прижимаетъ ея руку къ устамъ своимъ, потомъ къ своему сердцу, слабо уже біющемуся, и тяжелый послѣдній вздохъ, вылетѣвшій изъ его груди, былъ послѣднимъ въ жизни несчастнаго Темира; отъ напряженія послѣднихъ силъ въ разговорѣ съ Земирою, кровь хлынула изъ глубокихъ его ранъ и ускорила смерть его.

Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, чтобъ описать бѣдственное положеніе несчастной Земиры, Алея и Солимана, испускавшихъ жалобные вопли и стенанія надъ тѣломъ злополучнаго Темира.—Тотъ, кто испыталъ

подобныя утраты, легко можетъ себѣ вообразить, сколь тягостно лишиться намъ того, что составлялъ все блаженство нашей жизни и притомъ безвременно и столь пагубною смертію отъ насъ похищеннаго въ то время, когда уже былъ близокъ день къ нашему счастію и вѣчному соединенію.

Воинъ, сопровождавшій княжну, о которомъ я вышеупомянулъ, знавшій врачебное искусство и запасшійся на всякій случай медикаментами, спѣшилъ перевязать раны у Алея и Солимана, обнадежилъ ихъ въ продолжительномъ излѣченіи отъ оныхъ и далъ имъ принять нѣсколько капель удивительнаго элексира, подкрѣпившаго ихъ силы, хотя и много изъ ранъ ихъ вытекло крови.

Отчаяніе и мщеніе, поселившіяся въ душѣ и сердцѣ несчастной Земиры, имѣвшей твердый и геройскій характеръ, подкрѣпили ея силы для преслѣдованія и наказанія убійцъ ея друга. Она не проливала уже болѣе слезъ, онѣ замерли въ душѣ ея, и она, обратясь къ Алею, сказала:

— Ты всегда былъ вѣрнымъ другомъ умершаго Темира; онъ просилъ тебя при жизни, если онъ не увидитъ болѣе своего

отечества, жениться на его сестрѣ, быть его родителямъ вмѣсто сына, и ты обязанъ, Алей, исполнить волю и желаніе погибшаго нашего друга. Портретъ мой на его шеѣ и перевязь, мною ему подаренная, пусть вмѣстѣ съ нимъ послѣдуютъ въ могилу, въ которой прошу тебя и для меня оставить мѣсто, ибо я чувствую, что не переживу его кончины.—Одно только мщеніе его убійцамъ подкрѣпляетъ меня, и какъ скоро его исполню, то приду умереть на его могилѣ.—Прочія вещи и деньги, мною ему данныя, принадлежатъ тебѣ, какъ его другу; а сосудъ золотой, съ моимъ изображеніемъ, вручи его родителямъ, какъ послѣдній даръ ихъ сына и несчастной его подруги. (Закрываетъ лицо руками и рыдаетъ).

Алей, растроганный горестнымъ положеніемъ Земиры, самъ проливалъ слезы и потомъ сказалъ:

— Прекрасная княжна, прошу васъ, ради Бога, успокойтесь, когда горестію, слезами и отчаяніемъ не возвратить уже намъ къ жизни погибшаго друга. Я не смѣю совѣтовать вамъ забыть его, ибо знаю по себѣ, сколь болѣзненна сія потеря для васъ и для меня, и что вы могли бы съ такою красо-

тою, достоинствами и богатствомъ быть еще счастливою въ этомъ мірѣ; но умоляю васъ, не вдавайтесь опасности къ преслѣдованію и

отмщенію убійцамъ нашего друга, которые вѣрно примутъ всѣ предосторожности избѣгнуть заслуженнаго ими наказанія.

— Одна только ихъ смерть примиритъ меня

FILMED AS BOUND

съ покойнымъ другомъ и ими, отвѣчала княжна.—Всѣ ихъ предосторожности и ухищренія не спасутъ ихъ отъ погибели, на которую я ихъ обрекла въ душѣ моей. Обращаясь къ Солиману: скажи мнѣ, кто были убійцы Темира и твоего брата?—Князь Тамерланъ и Шакшибенъ, отвѣчалъ рыдающій юноша, стоявшій на колѣнахъ подлѣ убитаго своего брата. Перваго я узналъ по исполинскому его росту и страшному голосу, а втораго по щиту, на коемъ изображенъ огнемъ дышущій драконъ, между коими и другими всадниками я замѣтилъ и врача нашего Гирама.

— Гирамъ! воскликнула съ пылающимъ взоромъ Земира.—Подлый злодѣй, облагодѣтельствованный мною и Темиромъ, сдѣлался сообщникомъ враговъ нашихъ и, безъ сомнѣнія, былъ дѣйствующею пружиною сего заговора и погибели несчастнаго Темира; но онъ дорого мнѣ заплатитъ за злые свои замыслы и измѣну. Алей! продолжала Земира, поспѣшимъ отдать послѣдній долгъ погребенія несчастному нашему другу и вѣрному Салему.—Воины! возложите тѣла ихъ на соединенные щиты и несите въ лагерь Дагестанскаго отряда.—А послѣ дайте мнѣ клятву—всюду слѣдовать за мною и жестоко отмстить ихъ убійцамъ.

— Мы готовы исполнить твои приказанія, могущественная повелительница, и смерть неизбѣжна для враговъ твоихъ, отвѣчали воины въ одинъ голосъ.

— Княжна, умоляю васъ, воскликнулъ жалобнымъ голосомъ Алей.

— Ни слова! мои обѣщанія и клятва непремѣнны, отвѣчала послѣдняя; дѣлайте что я приказала.

Немедленно тѣла Темира и Салема воины возложили на щиты и понесли къ лагерю Дагестанскаго отряда. Алей шелъ впереди, Земира блѣдная, въ отчаяніи, съ преклоненною къ груди головою, шла съ Солиманомъ за тѣломъ своего друга; четыре воина изъ ея свиты заключали это шествіе.

Дагестанцы, занимавшіе передовые посты, увидѣвъ столь новую для нихъ и печальную процессію, встревожились; но узнавъ идущаго впереди Алея, испустили радостный крикъ, и начальникъ поста бросился ему навстрѣчу и, обнявъ съ восхищеніемъ, спросилъ: гдѣ ты по сіе время находился, нашъ добрый Алей?—Мы уже думали, что ты навсегда насъ оставилъ; что значитъ эта печальная сцена, и чьи тѣла несутъ эти вражескіе воины?

съ покойнымъ другомъ и ими, отвѣчала княжна.—Всѣ ихъ предосторожности и ухищренія не спасутъ ихъ отъ погибели, на которую я ихъ обрекла въ душѣ моей. Обращаясь къ Солиману: скажи мнѣ, кто были убійцы Темира и твоего брата?—Князь Тамерланъ и Шакшибенъ, отвѣчалъ рыдающій юноша, стоявшій на колѣнахъ подлѣ убитаго свего брата. Перваго я узналъ по исполинскому его росту и страшному голосу, а втораго по щиту, на коемъ изображенъ огнемъ дышущій драконъ, между коими и другими всадниками я замѣтилъ и врача нашего Гирама.

— Гирамъ! воскликнула съ пылающимъ взоромъ Земира.—Подлый злодѣй, облагодѣтельствованный мною и Темиромъ, сдѣлался сообщникомъ враговъ нашихъ и, безъ сомнѣнія, былъ дѣйствующею пружиною сего заговора и погибели несчастнаго Темира; в онъ дорого мнѣ заплатитъ за злые свои замыслы и измѣну. Алей! продолжала Земира поспѣшимъ отдать послѣдній долгъ погребенія несчастному нашему другу и вѣрному Салему.—Воины! возложите тѣла их на соединенные щиты и несите въ лагер Дагестанскаго отряда.—А послѣ дайте мн клятву—всюду слѣдовать за мною и жесток отмстить ихъ убійцамъ.

— Мы готовы исполнить твои приказанія, могущественная повелительница, и смерть неизбѣжна для враговъ твоихъ, отвѣчали воины въ одинъ голосъ.

— Княжна, умоляю васъ, воскликнулъ жалобнымъ голосомъ Алей.

— Ни слова! мои обѣщанія и клятва непремѣнны, отвѣчала послѣдняя; дѣлайте что я приказала.

Немедленно тѣла Темира и Салема воины возложили на щиты и понесли къ лагерю Дагестанскаго отряда. Алей шелъ впереди, Земира блѣдная, въ отчаяніи, съ преклоненною къ груди головою, шла съ Солиманомъ за тѣломъ своего друга; четыре воина изъ ея свиты заключали это шествіе.

Дагестанцы, занимавшіе передовые посты, увидѣвъ столь новую для нихъ и печальную процессію, встревожились; но узнавъ идущаго впереди Алея, испустили радостный крикъ, и начальникъ поста бросился ему навстрѣчу и, обнявъ съ восхищеніемъ, спросилъ: гдѣ ты по сіе время находился, нашъ добрый Алей?—Мы уже думали, что ты навсегда насъ оставилъ; что значитъ эта печальная сцена, и чьи тѣла несутъ эти вражескіе воины?

— Несчастнаго князя Темира Аксаі[illegible] бывшаго у насъ въ плѣну Салема Кабардинца, отвѣчалъ съ рыданіемъ Алей.

— Князя Темира?—воскликнулъ съ горестію начальникъ караула, кто же его убилъ?

— Враги и злодѣи, завидовавшіе его счастію, на обратномъ пути изъ плѣна сюда.

— Кто же эти воины, сопровождающіе васъ?

— Не враги, а друзья покойнаго Темира, отвѣчалъ Алей, и остановилъ ходъ печальной процессіи.

Въ минуту молва изъ устъ въ уста распространилась въ станѣ Дагестанцевъ о смерти князя Темира и возвращеніи Алея. Всѣ спѣшили видѣть того и другого. Алей, избравъ мѣсто среди четырехъ густыхъ, сросшихся верхушками деревъ, на высокомъ курганѣ, просилъ Дагестанцевъ вырыть могилу попространнѣе для ихъ князя, которая чрезъ часъ была готова, и несчастная Земира, поднявъ забрало своего шлема, съ воплемъ повергласъ на гробъ своего возлюбленнаго, и потомъ тихо повторила надъ нимъ клятву—отмстить жестоко его убійцамъ.

PAGE(S) MISSING

PAGE(S)
MISSING

къ жилищу князя Темерлана, который, вовсе не ожидая грозы, долженствующей разразиться надъ его головою, пировалъ съ княземъ Шакшибеномъ и Гирамомъ адскую побѣду и убійство несчастнаго Темира, за круговою чарою вина, производя громкій хохотъ, насмѣшки и клевету на счетъ Темира и княжны,—какъ въ ту же минуту дверь съ шумомъ растворилась, и Земира, сопровождаемая десятью отборными своими воинами, явилась предъ устрашенные и неподвижные взоры пирующихъ убійцъ.

— Злодѣи и подлые убійцы несчастнаго, невиннаго Темира! и вы думали, совершивъ ваше безчеловѣчіе, избѣгнуть достойнаго наказанія?—Трепещите!.. Вы видите предъ собою неумолимаго мстителя его смерти!... Кайтесь, тираны!.. ударилъ для васъ послѣдній часъ жизни и вашихъ злодѣяній!—Воины! заградите путь къ побѣгу всѣмъ живущимъ въ этомъ гнѣздѣ разбойниковъ!

Объятые ужасомъ убійцы падаютъ на колѣна предъ Земирою, и, умоляя ее о помилованіи своемъ, преклоняютъ главы свои къ ногамъ ея.

— Нѣтъ, злодѣи, нѣтъ, кровопійцы, по

хитившіе у меня драгоцѣннѣйшее существо въ мірѣ, не ожидайте болѣе пощады: вотъ вамъ награда за ваше злодѣяніе и смерть несчастнаго Темира! Обнажаетъ свой мечъ, и съ двухъ ударовъ отдѣляетъ главы Тамерлана и Шакшибена отъ ихъ туловищъ, которыя катятся по окровавленному полу.— А этого мерзкаго измѣнника,—показывая на Гирама—бросьте живаго въ ту ужасную пропасть, наполненную ядовитыми животными.

Воины хватаютъ Гирама, влекутъ къ пропасти и бросаютъ въ одну, откуда слышны были ужасный его вопль и стенанія. Прочіе невольники заперты были въ крѣпкую башню, чтобъ не могли дать знать о таковой тревогѣ.

Земира, исполнивъ свое мщеніе, приказала двѣ головы Тамерлана и Шакшибена положить въ кожаный мѣшокъ и привязать оный къ торокамъ ея сѣдла, предоставивъ своимъ воинамъ пользоваться казною и другими драгоцѣнностями въ домѣ князя Тамерлана, и написала на стѣнѣ той комнаты, гдѣ произошла казнь убійцамъ, крупными буквами: *„Такъ ужасно мститъ Земира убійцамъ невиннаго Дагестанскаго князя Темира Аксака!“*— Потомъ начертала на пергаментномъ листѣ къ своей теткѣ нѣсколько строкъ, прощаясь

съ нею на вѣки и предоставляя ей въ полное владѣніе все свое богатство и подданныхъ, съ просьбою сдѣлать свободными Ахмета и Рамиду, наградивъ каждаго тремя стами червонныхъ за вѣрную ихъ службу; отдала эту записочку одному изъ ея воиновъ, чтобъ онъ доставилъ ее теткѣ, и въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, отпустивъ прочихъ въ ихъ жилища, отправилась въ обратный путь въ стану Дагестанскихъ ратниковъ, куда вскорѣ и прибыла безъ всякихъ приключеній.

Алей ожидалъ возвращенія Земиры, которая въ гнѣвѣ и отчаяніи поклялась ужасно отмстить его убійцамъ и полетѣла, для сокрушенія того предмета, на который полетъ ея стремится.

Съ трепещущимъ сердцемъ увидѣлъ онъ Земиру, тихо ѣхавшую на бѣломъ конѣ своемъ, изъ лѣса, приближавшуюся къ нему съ улыбкою и угасающимъ взоромъ ея прежде столь прелестныхъ очей, могшихъ очаровать всѣхъ ее окружавшихъ.

